

Первые военнотружашие прибыли для комплектования подразделений 22 мая 1967 года. В последующем именно этот день был объявлен годовым праздником части. Отряд взял под охрану участок границы протяженностью 7350 километров. Десять дней спустя из Закавказского пограничного округа прибыла вторая группа солдат и сержантов в количестве 40 человек. Военнотружашие направились на участки пограничных застав, развернутых в поселках на мысе Шмидта, Черском, Чокурдахе, Тикси, Амдерме, городе Нарьян-Маре.

Практически с первых дней существования пограничного отряда его подразделения несли службу в тесном взаимодействии с Воркутинской авиаэскадрилей, основанной осенью того же года. Случилось это 12 октября. В условиях Крайнего Севера с его суровым характером высылку подвижных пограничных постов и оперативно-войсковых групп по всему побережью и на глубину пограничной зоны и сегодня невозможно представить без использования самолето-

Приветствие первых пограничников. 1967 год

тов и вертолетов. Что уж говорить про 60-е, когда Арктика для многих была и загадкой, и испытанием. По сути, в то время авиаэскадрилья, как и авиационный отряд сегодня, выполняла задачи по обеспечению деятельности пограничников по охране северных рубежей.

Наличие на участке крупных судоходных рек, большого количества бухт и заливов вызвало необходимость широкого применения

в охране границы пограничных сторожевых катеров. Эти скоростные, маневренные плавсредства проекта 1710 стали использоваться для несения дозорной службы, доставки пограничных нарядов на удаленные участки, поиска нарушителей границы и пограничного режима на реках, в заливах, для наблюдения за иностранными судами в местах выгрузки и погрузки и на водных трассах.

Прибыло новое пополнение, г. Воркута. 1967 год

Поселок Диксон

Вот один из эпизодов несения пограничной службы, о котором рассказала газета «Пограничник Арктики» 17 ноября 1967 года: «На внешнем рейде стояло иностранное судно. Временами мимо него проходил пограничный сторожевой катер, с которого моряки-пограничники заметили, что двое неизвестных на лодке плыли к иностранному судну. В погоню за неизвестными устремился полуглиссер с пограничным нарядом на борту. Неизвестные отказались выполнить требования пограничников и подняться на глиссер. Тогда по

приказу старшего наряда на лодку, где находились нарушители, высадились рядовой Чочиев, матросы Сулейманов и Хатмуллин. Нарушители оказали сопротивление пограничному наряду. Лодка перевернулась, и все оказались в ледяной воде. Пограничники подняли на борт глиссера обоих неизвестных и лишь после этого сами выбрались из воды. Так нарушители были задержаны».

К слову, это был всего лишь второй номер новой региональной пограничной газеты, основанной десятью днями ранее. Издание иг-

рало важную роль в воспитании личного состава, мобилизации его на решение поставленных задач, подчеркивало важность службы пограничников на северных рубежах.

22 мая 1968 года заместитель начальника Политического управления Пограничных войск КГБ СССР генерал-майор П. Чиркин вручил отряду Боевое знамя части. Приказом КГБ СССР от 15 июля 1968 года все пограничные заставы были переименованы в пограничные заставы — контрольно-пропускные пункты. К концу года к осуществлению пограничного контроля приступили заставы «Челюскин», «Нижнеянск» и «Эклипс».

В 1968 году для размещения личного состава подразделений были построены комплексы в кунговом варианте. Маленькие вагончики, как на узкоколейной железной дороге, позволили, пусть и на время, решить одну из самых животрепещущих проблем. К весне 1970 года пограничный контроль на Арктическом побережье осуществляли примерно полтора десятка только что оборудованных пограничных застав-КПП. Учитывая особые условия службы в Заполярье, каждая арктическая пограничная застава — это практически настоящая полярная станция со всем необходимым оборудованием, обеспечивающим автономное функционирование.

Заготовка дров на пограничной заставе «Диксон». 80-е годы

С учетом местности и природных условий подразделения разворачивались примерно через 1000 км. И только там, где есть заполярные аэропорты. Первая застава появилась в Нарьян-Маре. Затем «зазеленели» Амдерма, мыс Челюскин, Эклипс, Диксон, Тикси, Чокурдах, Черский, Певек, Шмидт. Другая линия — Салехард, мыс Каменный, Новая Земля, остров Врангеля, закрытая зона в городе Норильске и Игарка — Дудинка.

Короткое арктическое лето तोпило пограничников. Стоило выбиться из графика и пиши пропало: все оборудование оказалось бы под снегом и ждало следующего года. Вагончики ставили рядом, перекрывали их металлическими балками, на которых устанавливали кровлю. Потом все это засыпали снегом, и застава почти весь год находилась под ним. Воду добывали растапливая распиленный уплотненный снег. Пищеблок, столовая, котельная, туалет — все это отдельные «кунги». Один вагончик отдавался в распоряжение начальника пограничной заставы, другой становился «ленинской комнатой». Под оружейную комнату также был положен один вагончик. Отдельно, где-то в двухстах метрах от подразделения, строили домик на 4 семьи: для двух офицеров с семьями и для старшин. В 50-ти метрах — автопарк. Тепло в домики

подавалось от корабельного котла, который отапливался соляжкой. Топливо для котельной завозилось в летний период в двухсотлитровых бочках сразу на год.

Заставы из вагончиков сооружались на первое время, для того чтобы пограничники могли сразу приступить к выполнению своей основной задачи — охране госграницы. Вскоре их сменили стационарные пограничные заставы, где жилые и служебные помещения собирались из сборных утепленных панелей размером 1,5х6 м. Условия для жизни и службы заметно улучшились: теплые казармы, столовая, сауна с парилкой, окна-иллюминаторы. Практически все семьи офицеров-пограничников сразу же обеспечивались жильем на этих заставах. Сотрудники управления отряда получали квартиры в Воркуте.

Полярный день сменялся полярной ночью, потом опять приходил день, и снова ночь... Люди привыкали к природному распорядку, как и к другим местным особенностям. Ни 40-градусные морозы, ни пурга, ни хозяева здешних мест — белые медведи не могли помешать выполнению поставленной задачи. Чтобы в полярную метель не заблудиться, между строениями натягивали веревки или проволоку. С наступлением непродолжительного лета вроде бы всем должно было становиться полегче. Однако тут

обнаруживалась новая напасть — спокойно жить и служить не давали назойливые комары, те еще кровопийцы. В общем, условия далеко не сладкие в любое время года.

В период становления отряда нелегко приходилось всем стражам границы, впервые столкнувшимся с суровыми климатическими условиями Крайнего Севера. «Небольшая группа пограничников, — следует из публикации в отрядной газете от 15 января 1970 года «С полным напряжением», — получила задание за короткое время переоборудовать объект и приспособить его для несения службы. Трудиться воинам пришлось в очень тяжелых условиях. Стояли невыносимые морозы, сильный ветер не прекращался в течение многих дней подряд. Но это не мешало пограничникам работать с полным напряжением сил и выполнить ответственное задание в установленный срок».

За 1968—1970 годы пограничные наряды задержали двух нарушителей государственной границы, 80 нарушителей пограничного режима, более 40 уголовных преступников, контрабанду, изъяли более 100 единиц незаконно хранящегося нарезного оружия. В первые три года существования погранотряда на участке было отмечено без малого 1300 случаев полетов иностранных самолетов-

разведчиков. За 1971—1975 годы их количество увеличилось почти в 2 раза и составило около 2500. На практике это означало только одно — решение об организации охраны северных рубежей было принято своевременно.

Каждый день службы на северных рубежах становился для стражей границы экзаменом не только на физическую выносливость, но и на нравственную чистоту. Газета «Пограничник Арктики» в новогоднем номере 1971 года описала такие случаи: «Службу часового у трапа иностранного судна нес рядовой Горячев. К нему подошел моряк и стал настойчиво совать в руки подачку. Пограничник понимал, что иностранец это делает с целью отвлечь его от службы. Рядовой Горячев отверг предложение моряка и потребовал прекратить провокационные действия. Другой иностранец предлагал рядовому Фомушкину спиртные напитки. И здесь провокационные действия были решительно пресечены пограничниками. Невдомек иностранцам, что для советского пограничника честь — превыше всего, что совесть они не торгуют!»

27 февраля 1972 года Приказом КГБ СССР в штат Отдельного Арктического пограничного отряда был введен учебный центр, что позволило самостоятельно готовить необходимых специалистов. Появился в части и собственный ансамбль песни и пляски. Этому подразделению предстояло восполнить возникший в первые годы дефицит культурно-досуговой работы в удаленных подразделениях. В 1975 году завершилось строительство городка управления пограничного отряда, гарнизонов пяти пограничных застав. Таким образом, к середине 70-х годов соединение завершило свое становление и перешло от пограничного контроля к обеспечению всеобъемлющей охраны границы в Заполярье.

Белое безмолвие, вечная мерзлота, олени стада, кочующие по тундре в поисках ягеля, — подныть над такими представлениями о Крайнем Севере пограничникам в значительной степени помогало местное население: чукчи, ненцы, нанайцы, якуты. Добираясь до их дальних стойбищ, стражи границы узнавали, не появлялся

ли в округе какой-нибудь подозрительный человек. Коренные жители все знали и все видели — где свой, а где чужой. Поэтому пограничники всячески налаживали взаимоотношения с ними, вели разъяснительную работу, организовывали отряды «Юные друзья пограничников». Хорошие отношения установились также с советскими и партийными органами приграничных территорий. В любых начинаниях «зеленые фуражки» находили помощь и поддержку. Впрочем, и сами помогали местным властям...

Арктическая авиационная часть не только обеспечивала пограничную безопасность в Арктике, но и участвовала в других важных для государства мероприятиях. Так, в августе 1979 года ее посетил начальник Центра подготовки космонавтов дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант Г. Береговой с группой специалистов. В целях отработки действий по поиску и спасению экипажей, произведших внештатную посадку спускательных аппаратов в районах приполярной тундры и в Арктике, с летным составом части вначале был проведен комплекс теоретических, а по-

том и практических мероприятий с участием пограничных летчиков в поиске космонавтов, совершивших посадку в нештатном режиме и в незапланированном районе.

На втором практическом этапе по согласованию с руководством погранвойск были проведены практические ознакомительные и поисковые полеты по двум условным целям в двух районах, интересующих специалистов Центра. Во-первых, над островом Вайгач, во-вторых, над полярной тундрой между Салехардом и Норильском, практически вдоль 67-й параллели, и, случайно или нет, вдоль строившейся еще при Сталине, но заброшенной после его смерти железной дороги. В сложных метеоусловиях они обеспечили работу специалистов Центра, с честью справившись с поставленными задачами.

После первого организационного посещения Воркуты генерал-лейтенантом Г. Береговым командировки специалистов Центра подготовки космонавтов с целью изучения заполярных условий и отработки способов выживания космонавтов в тундре и Арктике стали регулярными.

Остров Средний встречает молодых стражей границы

Непрерывно происходила оптимизация системы охраны арктических рубежей. В 1979 году самые восточные заставы-КПП — «Шмидта» и «Певек» были переданы в подчинение Камчатскому пограничному округу. Но уже спустя два года добавились задачи по охране участков выставленных застав «Средний» и «Нагурская» — самого высокоширотного подразделения, дислоцирующегося на Земле Франца-Иосифа. В эти же годы в навигационный период стали выставляться сезонные заставы на островах Вайгач и Колгуев. Благодаря такому маневру силами и средствами пограничники предотвратили более десяти попыток нелегального ухода за границу.

Большая заслуга в решении данной задачи принадлежит и пограничным летчикам. В 1981 году район полетов авиации погранвойск в Арктике расширился. В него вошли вышеуказанные заставы «Нагурская» — на Земле Франца-Иосифа и «Средний» — на Северной Земле. При содействии авиации пограничниками было задержано на этих островах свыше 130 нарушителей режима государственной границы. За освоение самого северного в Советском Союзе аэродрома Нагурский и взятие под охрану государственной границы на северных окраинах нашего государства большая группа летного и инженерно-технического состава была награждена орденами и медалями СССР.

В это же время авиаэскадрилья расширила зону стоянок авиационной техники на аэродроме и возвела взлетную полосу для вертолетов. Вскоре на базе эскадрильи можно было развернуть уже целый авиационный полк со всей необходимой аэродромной инфраструктурой, а значит, сделать часть практически независимой от работы гражданского аэропорта.

Необходимо отметить, что именно в 1978—1980 годах на аэродроме «на чистом энтузиазме» ответственных лиц был спроектирован и построен собственными силами ангар для выполнения регламентных работ вначале для самолетов «Ил-14», а затем и вертолетов «Ми-8». Новый объект позволил в условиях длинной и холодной арктической зимы производить ремонт боевых машин. Только авиационные техники знают истинную цену этому новшеству. До сих пор самыми добрыми словами вспоминают они о людях, придумавших и сделавших ангар. Ведь на поршневом двигателе в сильный мороз и ветер голыми руками открыть крышки двигателя и отрегулировать зазоры клапанов практически невозможно — все конечности обморозишь. После первого ангара аналогичные этому проекту самодельные ангара были сделаны во всех подразделениях части, а потом и в других северных и дальневосточных частях ведомственной авиации. Сегодня же авиационная часть оснащена современным обогреваемым ремонтным

помещением, готовым в любую погоду принять любую авиатехнику, находящуюся на вооружении.

В 1982 году началось активное участие экипажей арктической авиаэскадрильи в обеспечении боевых действий в Афганистане. Всего через Афганистан в разные годы прошли 14 экипажей части, которые совершили более 3000 боевых вылетов. В 1985 году, спасая боевую машину, героически погиб экипаж вертолета «Ми-8» капитана В. Рускевича. После успешной высадки десанта и подавления огневых точек противника экипаж получил боевое задание вывести из-под обстрела тяжело раненого пограничника. Следуя на выручку товарища, вертолет был подбит... За мужество и героизм, проявленные экипажем при выполнении задания, Указом Президиума Верховного Совета СССР капитан В. Рускевич был награжден вторым орденом Красного Знамени (посмертно), а старший лейтенант Я. Лащук, лейтенант К. Яценко и прапорщик С. Киселев тоже посмертно награждены орденами Красной Звезды.

В 1986 году после окончания ремонта и частичного строительства взлетно-посадочной полосы аэродрома в бухте Нагурская начались систематические полеты самолетов «Ан-26» на Землю Франца-Иосифа и на остров Средний. Вертолеты «Ми-8» с мыса Челюскин совершали облеты архипелага Северная Земля, а из Тикси — Новосибирских островов. 12 сентября 1986 года экипаж винтокрылой машины «Ми-8» в составе капитанов В. Коваленко и А. Старикова, Н. Демичева и В. Антоха осуществил поиск и спасение 28 оленеводов, отрезанных водой в низовьях Байдарацкой Губы и оставшихся без продовольствия.

В июле — августе 1987 года впервые в истории части пара вертолетов «Ми-8» произвела облет всех островов и бухт архипелага Земля Франца-Иосифа. Авиаторами был получен и обобщен ценнейший материал, необходимый для дальнейшего изучения и совершенствования охраны самых удаленных северных земель России.

В 1988 году в интересах охраны государственной границы и морской экономической зоны начал использоваться аэродром Рогачево.

НА БЕРЕГУ СЕВЕРНОГО ЛЕДОВИТОГО

Пурга, бушевавшая вторые сутки, улеглась. В защитных костюмах и в шапках на оленях Мелинг, капитан Чешенко.

хальная пурга, снег, который еще вчера сен лицо, теперь ослепительно сверкает на солнце. — И это называется лето! — сокрушался старший пограничник наряда ефрейтор Павел Батурин. — У нас в Подольске уже булданчики желтым цветом цветут, а тут! — И он, вздохнув, стал «играться» в огромный сугроб, в который раз вот так с товарищами по службе отпугивает он пограничные сторожевые пограничники. Помолчу, и не сосчитать за полгода года службы в Арктике. Пограничная застава, которой командует капитан Н. Чешенко.

одна из передовых. Принималась на берегу Северного Ледовитого океана и, обустроенная всеми арктическими вестрами, живет полнокровно, интересной жизнью. Увидеть в дозоры пограничные наряды, в любое время может добывать солдатский сон сигнал тревоги.

Каждый день у пограничников заповедь боевой учбой. На стрельбище совершенствуют они огневое мастерство, овладевают испытанными следопытскими приемами и сложной техникой, которая стала изобретением пограничников в охране границы.

Команда из застав дружной, боевой. Про такую говорят — единая семья. Ему по плану минимизировать пограничные службы и не страшны длинные полярные ночи, мороз и ледяная пурга. Ставшие Генералом. Директор, например, нет равных в стрельбе из автомата и в знании всех тонкостей пограничной службы. Он отличился боевой и политической подготовкой. За успехи был поощрен иррациональным вступлением. Ефрейтор Андрей Батурин признанный комсомольский командир. Он и на гитаре скрывает мастерство, и хулиганскую симпатичность, аргументы, и если издох, с нарушителями воинской дисциплины по всей строгости спросит монету. Комитет комсомола, возглавляемый им, на заставе орган авторитетнейший Ефрейтор Дмитрий Гасков известен не только на заставе, но и в близлежащих поселках. Там же живет и живет старший пограничник — заглядывая: пыльные, румяные, полные до солнцем летний ласкующие.

— Вот голыш почти заглядывает сюда не часто, — сетуют пограничники. Арктика погоды не балует. За то конь работы на заставе писаный. В наряде из них частица домашнего тепла.

И с ним и жид (таверну) начальник пограничной заставы капитан М. ЧЕШЕНКО; (внизу) из охраны государственной границы СССР выступают ефрейторы В. ГАСКОВ и П. А. ТУРИН; (справа) после пурги.

Капитан В. ХАБАРОВ.

Фото автора.

Были отработаны новые маршруты полетов, расширены фронт и глубина охраны границы.

За первые двадцать лет существования арктической авиачасти более 250 офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат были награждены орденами и медалями СССР за отличие в охране границы и летное мастерство, за мужество и героизм, проявленные на земле Афганистана.

Укрепились и связи авиаторов с местным населением. То, что на Севере люди всегда готовы прийти

на помощь, известно всем. Но не только трудные минуты сближают. Неоднократно перед жителями Воркуты выступал созданный в части в 1973 году вокально-инструментальный ансамбль «Экватор». Опытные и молодые летчики участвовали и в шефской работе в клубе летчиков-космонавтов. В результате только за первые 10 лет судьбу кадрового военного выбрали более 150 юношей — воспитанников клуба.

Традиционно авиаторы подерживали хорошие отношения

и со знаменитыми артистами. Так, гостями арктической границы по личному приглашению командира части подполковника И. Ванюшина в 1974 году были Л. Быков и А. Смирнов, сыгравшие главные роли в фильме «В бой идут одни старики».

Постепенно увеличилась плотность технического прикрытия охраняемого Арктическим отрядом участка. В 1986 году было положено начало охраны госграницы с помощью радиолокационных станций на заставе «Челюскин». Такой шаг позволил взять под надежный контроль пролив Вилькицкого. Через год введен в действие пост технического наблюдения на пограничной заставе «Колгуев». Благодаря ему всего за несколько месяцев удалось обнаружить порядка 60 нарушителей пограничного законодательства.

Наращивание технических возможностей на границе стало как нельзя более актуальным в условиях повышения интенсивности использования Северного морского пути судами заграничного следования. За 1988 год подразделения отряда оформили в пограничном отношении 350 судов и почти 9800 членов экипажей.

Многие из них, «не стесняясь», занимались сбором информации об экономике Севера, навигационных условиях, функционировании Северного морского пути. Это заставляло выдвигать передовые пограничные наряды все ближе и ближе к Северному полюсу, беря под контроль новые участки. В 1989 году на

островах и арктическом побережье были выставлены и высланы почти полторы сотни временных пограничных постов и разведывательно-поисковых групп.

В 90-е годы изменились не только возможности по финансированию охраны удаленных рубежей, но и оценка возникающих на них угроз безопасности страны. Отдельный Арктический пограничный отряд был включен в штат Арктической группы Пограничных войск Российской Федерации. С августа 1994-го по декабрь 1998 года из штата отряда были исключены и переданы в Северо-Восточный пограничный округ комендатуры «Черский» и «Тикси» с заставами «Черский», «Чокурдах», «Нижне-янск», «Тикси», а в Архангельский пограничный отряд — комендатура «Нарьян-Мар» с заставами «Нарьян-Мар» и «Колгуев».

В то же время была развернута пограничная комендатура «Амдерма» с заставами «Югорский Шар», «Усть-Кара», «Талотхард». Потерял самостоятельный статус отдельный контрольно-пропускной пункт «Дудинка», включенный в состав Арктического отряда. Затем «вернулись домой» подразделения комендатуры «Тикси». На протяжении непростых 90-х годов погра-

ничники соединения неоднократно направлялись в командировки на таджикско-афганский участок границы и на Северный Кавказ.

В состав Арктической группы погранвойск приказом Директора ФПС России был включен и Отдельный Арктический авиаполк, а его зона ответственности раскинулась от стыка с Мурманской отдельной авиаэскадрилей — на западе и до реки Колымы на стыке с Северо-Восточным пограничным округом — на востоке. В этот период экипажи самолетов и вертолетов полка постоянно привлекались к оказанию помощи авиационным группировкам в Таджикистане, участвовали в контртеррористических мероприятиях на Северном Кавказе. К 2000 году больше половины офицеров и прапорщиков полка имели опыт боевых действий в «горячих точках».

В декабре 1996 года на Нагурской потерпел аварию самолет «Ан-72» Шереметьевского отдельного авиаотряда специального назначения ФПС России. При спасении и эвакуации пострадавших высокий летный профессионализм, мужество и отменные морально-психологические качества проявил экипаж воркутинского самолета «Ан-26». Кроме выполнения слу-

жебных и боевых задач, связанных с охраной государственной границы и 200-мильной морской экономической зоны, экипажи Арктического авиаполка сотни раз ежегодно привлекались для выполнения санитарных, аварийных, поисково-спасательных работ, задержания браконьеров, обеспечения различных высокоширотных экспедиций по освоению и изучению отдаленных районов Арктики и Северного полюса Земли. И чего только им не приходилось делать, но всегда летчики успешно справлялись с поставленными задачами. И сегодня авиаторы в суровых условиях Севера несут свою нелегкую и тревожную службу, оберегая покой северной границы Российской Федерации.

В 2006 году Отдельный Арктический пограничный отряд был реформирован. Его подразделения вошли в состав ряда пограничных управлений ФСБ России. Акватории Баренцева и Карского морей вошли в зону ответственности Пограничного управления ФСБ России по Мурманской области. Все авиационные части бывшей Федеральной пограничной службы вошли в состав авиации ФСБ России. В результате в городе Воркуте был сформирован ведомственный Объединенный арктический авиационный отряд.

С апреля 2015 года историю Отдельного Арктического пограничного отряда продолжило сформированное Пограничное управление ФСБ России по западному арктическому району.

У тех, кто начинал писать историю северной границы, — достойные продолжатели. Но есть между прошлым и настоящим и важное связующее звено. Славные традиции пограничников старших поколений помогает приумножать Межрегиональная общественная организация «Пограничники Арктики». Ветераны передают богатый служебный опыт, воспитывают в нынешних сотрудниках гордость за участие в охране самых северных рубежей страны. Сегодня орган безопасности является одним из важных элементов системы обеспечения интересов Российской Федерации в Арктике, обладает достаточными возможностями для противодействия вызовам и угрозам безопасности в пограничной сфере. ■

На участке пограничной комендатуры «Амдерма»

СУДЬБА ПОГРАНИЧНИКА

Текст: Валерий ВОРОНКОВ

Фото из архива автора

ВЫВОД ВОЙСК

В начале 1988 года меня назначили начальником Оперативной группы в Пянджском пограничном отряде. Перед вступлением в должность я был вызван на беседу к начальнику Пограничных войск КГБ СССР генералу армии В. Матросову. Это была постоянная практика Вадима Александровича — беседовать с теми офицерами, которые назначались на руководящие должности, связанные с работой по Афганистану.

Разговор был конкретный и во многом касался вопроса, который уже тогда витал в воздухе, — выхода из Афганистана. Совместно с руководством пограничного отряда на Пянджском направлении нам предстояло не просто обеспечить вывод, но и сберечь жизнь каждого солдата и офицера, находившегося на «той» стороне. Это

требование генерала Матросова — беречь солдатские жизни — отложилось у меня как руководство к действию на всю оставшуюся жизнь, на каких бы руководящих должностях и в каких бы регионах я затем ни служил.

По возвращении в Пяндж началась активная подготовка к выводу войск. Обстановка в Афганистане осложнялась тем, что к 1988 году большая часть районов страны перешла в руки оппозиции. Пользуясь так называемой политикой национального примирения, бандиты захватывали один район за другим. В результате к середине года они обосновались фактически во всех уездных центрах.

Для того чтобы обезопасить основные пути, по которым предстояло выводить войска, была усилена наша группировка на «той» стороне. В дополнение к четырем

мангруппам, находившимся в ДРА, были переброшены еще две мангруппы, в том числе из Восточного округа. Одну мы выставили в районе Кундуза, на перекрестке ключевых дорог.

Согласно плану вывода войск из ДРА, утвержденному генералом армии В. Матросовым, на первом этапе часть мотоманевренных групп, находившихся на наиболее опасных участках, выводилась в места поспокойнее, оставаясь при этом на территории Афганистана. Им предстояло обеспечивать вывод Ограниченного контингента советских войск. Это оказалось непросто. К тому времени обстановка резко изменилась в пользу оппозиции как вблизи границы, так и во всем Афганистане. Фактически правительственная власть удерживала свои позиции только в крупных провинциальных центрах.

(Продолжение. Начало в № 3, 2017 г.)

Пограничники должны были прикрывать отход частей 40-й армии и уходить из страны последними. Были разработаны планы взаимодействия с «армейцами», но порой все они шли кувырком из-за несогласованности.

В июле 1988 года я прилетел в провинциальный центр Талукан, чтобы проверить готовность 2-й мангруппы к выводу, а также ее обеспеченность всем необходимым. Подразделение должно было покинуть ДРА в феврале 1989 года, вместе с 201-й дивизией, стоявшей по соседству, в Кундузе.

Мангруппа базировалась в бывшем байском саду, на большой территории, позиции были хорошо укреплены. Осмотрев расположение, проверив личный состав и технику, я встретился с командованием мангруппы, офицерами полевой опергруппы и представителями советнического аппарата. Убедился, что к выводу все готово. Незадолго до моего прибытия в ММГ завезли солидный запас топлива и продовольствия, которого должно было хватить до февраля следующего года.

Затем я вылетел в порт Шерхан, где проверил еще один пограничный

гарнизон. На советский берег решил переправиться паромной переправой. Здесь, на пароме, я совершенно случайно увидел начальника политотдела 201-й дивизии. Разговорившись, узнал неожиданную новость: командованию дивизии пришла директива — срочно готовиться к выводу. И не в феврале 1989 года, как предполагалось по плану, а немедленно — летом 1988-го.

Дело в том, что соединение обеспечивало безопасность на маршрутах от Талукана до Кундуза. И в случае его ухода наша 2-я ММГ оказывалась в тылу противника, отрезанной от основных сил. Провиваться пришлось бы с серьезными потерями.

Я срочно связался с начальником Пянджского отряда полковником Игорем Харковчуком и поделился полученной информацией. Для него это также было сюрпризом. Оказалось, армейское руководство не поставило в известность никого из пограничного командования. Игорь Афанасьевич связался с Душанбе и Ашхабадом, и там подтвердили: действительно, 201-я выводится летом 1988 года. Нам пришлось срочно готовить Талуканскую ММГ к выводу.

Несмотря на такой «сюрприз», передислокация мотомангруппы прошла быстро и организованно. Подразделение вышло из глубины бандитского района и встало в четырех километрах от Кундуза, прикрывая выход 201-й дивизии. Покидая Кундуз, армейское командование передало афганской стороне огромные запасы боеприпасов, продовольствия, оружия, военные городки и прочее ценное имущество. А еще — четыре насосные установки, фильтровальную станцию и дизельную электростанцию.

А два дня спустя после ухода 201-й дивизии Кундуз был полностью захвачен бандитами. Правительственные силы оставили город. Спротивление оказала лишь Талуканская мангруппа. Заняв круговую оборону, она не давала душманам приблизиться к своему опорному пункту. Руководил данным направлением мой заместитель в опергруппе майор Петр Перепада, проявивший свои лучшие качества по управлению боевыми действиями.

Столь быстрое падение Кундуза само по себе не было неожиданно. Проблема заключалась в том,

С начальником ММГ майором М. Качаловым проводим инструктаж перед выводом из Афганистана. Февраль 1989 г.

что на окраине города, в Северном городке, располагались крупные армейские склады с оружием и боеприпасами. Если бы весь этот арсенал разошелся по бандам душманов, вывод наших войск из Афганистана стал бы весьма проблематичным. Рвани один только склад со снарядами от БМ-21, и взрывная волна докатилась бы до Пянджа. Забегая вперед, скажу, что после нашей информации армейцы в течение месяца «Камазами», до 40 автомашин в колонне, ежедневно вывозили боеприпасы в район Хайратона.

Действовать следовало оперативно. Не растерявшись, пограничное командование бросило на Кундуз три десантно-штурмовые группы: Керкинскую, Пянджскую и Термезскую. Они сумели блокировать Северный городок и оттеснили душманов от столь лакомого куска.

Мне довелось побывать в этом городке. Прежде в нем размещались отдельные батальоны и мотострелковый полк. Я был поражен — сколько же всего ценного оставила Советская армия афганским союзникам! Добротные казармы и служебные строения с кондиционерами. Спальные помещения, заставленные кроватями. На кроватях —

белоснежные простыни и одеяла. В столовой застеленные скатертями столы были сервированы столовыми приборами. Это был разительный контраст с тем, как жило во время афганской войны большинство наших мангрупп. Пограничники жили под землей, в землянках, оборудованных из подручных материалов... А тут!

На всякий случай я позвонил начальнику Пянджского пограничного отряда и рассказал об увиденном. Игорь Афанасьевич, долго не раздумывая, направил в Северный городок целую группу специалистов — тыловиков и саперов. Он прекрасно осознал, что мангруппы, выводившиеся из ДРА, пришлось бы размещать в чистом поле. Чтобы такого не случилось, Харьковчук приказал разобрать в Северном городке щитовые казармы и ангары и вывезти их на советскую территорию. Что и было сделано!

Вскоре в отряде на левом фланге в районе Холкояра появился целый городок для размещения выходивших мангрупп. Что до самого Кундуза, то он был освобожден частями 40-й армии и вновь передан афганским правительственным силам.

Напряженная обстановка во время вывода сложилась и в районе уездного центра Нанабад, где в месте дислокации 3-й мангруппы были сосредоточены большие материальные ценности. Сам населенный пункт был в руках оппозиции. То была зона ответственности Пянджского пограничного отряда. В случае нападения оказать быструю помощь Нанабадской мангруппе было весьма затруднительно, ибо ближайшие пограничные ММГ находились в Имам-Сахибе и Артходже.

В декабре 1988 года мы с начальником Пянджского пограничного отряда Игорем Харьковчуком и одним из его заместителей — Наилем Селивановым обсуждали различные варианты вывода нашего гарнизона, дислоцировавшегося в Нанабаде. Было очевидно, что выводить личный состав ММГ со всеми материальными средствами в создавшихся условиях было крайне сложно — без потерь с нашей стороны не обошлось бы.

Учитывая сложившуюся на тот момент обстановку, начальником пограничного отряда было принято решение отправить в Нанабад крупную колонну транспортных машин в составе до 60 единиц в со-

Доклад о готовности четырех ДШМГ к участию в операции «Возмездие» принимает генерал-лейтенант И. Вертелко. Март 1987 г.

На учениях в Кара-Калинском пограничном отряде. Июнь 1985 г.

провожении БТР, БМП, инженерно-саперного и минометного взводов. Также должна была обеспечиваться хорошая связь. Задачей колонны был вывоз из гарнизона всех материальных ценностей. В результате личный состав ММГ оказывался ничем не обременен, а сама мангруппа, будучи компактной, могла бы быстро выйти «на броню» к советско-афганской границе. Оглядываясь назад, могу отметить, что в тех условиях это было разумное решение.

Возглавить проводку колонны было поручено мне. Предварительно мы с начальником разведки обсудили порядок движения по всему маршруту до Нанабада, а также действия наших сил и средств при возникновении той или иной обстановки. Так как предстояло идти по территории, которая полностью контролировалась бандитами, могло случиться все что угодно. Мы не были застрахованы от того, что противник поставит мины или выставит по дороге засады. До сих пор я благодарен подчиненным офицерам Н. Сели-

ванова, которые через свою агентуру смогли добиться для нашей колонны «чистой» дороги по всему маршруту.

Впрочем, когда колонна пошла на Нанабад, сюрпризов хватало. Прежде всего неприятности были связаны с погодой, которая была крайне неблагоприятной. Машины буксовали на перевалах, приходилось их перетаскивать по одной тягачами. Выручала высокая подготовленность водительского состава. В таких трудных дорожных условиях ребята-водители не растерялись, действовали профессионально, грамотно, проявляли смекалку и взаимовыручку.

Самый сложный момент той операции настал, когда наша колонна вошла в Нанабад. Вдоль дороги стояло множество бородачей, вооруженных до зубов. На нас были направлены автоматы, пулеметы, гранатометы. Озлобленные лица не сулили ничего хорошего. В дополнение к этой картине на повороте к гарнизону нас встречали две установки ДШК, направленные прямо на колонну. Их стрелки явно

только и ждали команду нажать на гашетку пулеметов.

Тем не менее в сторону расположения мангруппы нас пропустили без единого выстрела. Бандиты понимали, что поживиться им пока нечем, грузовики были пустыми.

Через два дня, пока колонна грузилась в гарнизоне ММГ, эти опасения подтвердились. По линии разведки пришла оперативная информация, что главарями бандитов принято решение не выпускать колонну из населенного пункта. Нас собирались уничтожить.

Проведя совещание с начальником мангруппы и разведчиками, я поставил задачу — распространить дезинформацию о том, что колонна будет готова начать движение только через три дня. С этой же целью попросил организовать мне встречу с авторитетами и старейшинами уезда. Во время этой встречи в непринужденной обстановке за чашкой чая я рассказал старейшинам, какие трудности возникли у нас при загрузке материальных ценностей. И как бы

С комиссией Главка на Шерханском направлении (участок Пянджского пограничного отряда). Февраль 1989 г.

между прочим посетовал, что для решения этих проблем колонне придется задержаться в ММГ еще на несколько дней.

Поверили старейшины или нет, точно сказать не могу. Но когда в три часа ночи колонна двинулась в обратный путь, «духи» крепко спали. В целом, наш замысел сработал — мы без больших проблем прошли через уездный центр. Лишь когда колонна отошла от Нанабада километров на шесть, мы услышали за собой разрывы. Это душманы, очухавшись, ударили нам вдогонку из минометов. Но было уже поздно, нам они никакого вреда причинить не могли. В тот момент я дал команду нашим минометчикам развернуть 120-мм минометы и отработать в ответ. Минометчики сделали несколько выстрелов, бандиты замолчали и больше не мешали нам спокойно двигаться дальше. В целом, задача была успешно выполнена, о чем по прибытии в пограничный отряд я и доложил начальнику отряда — полковнику Игорю Харковчуку.

Что касается Нанабадской мангруппы, то после получения приказа на вывод, 14 февраля 1989 года, она благополучно, без

единого выстрела вышла из Нанабада и достигла тактически выгодного рубежа вблизи границы, где прикрыла прохождение частей 40-й армии. А уже 15 февраля 3-я мангруппа была дома.

В целом, вывод пограничных подразделений с территории ДРА в районе ответственности Пянджской оперативной группы проходил организованно. Во многом это произошло благодаря тому, что заблаговременно был проведен ряд мероприятий: все материальные ценности вывезены заранее, отдаленные гарнизоны передислоцированы как можно ближе к границе. В районе Нижнего Пянджа силами понтонно-мостового батальона Советской армии была наведена понтонная переправа. В результате, как только поступила команда выйти из Афганистана, все наши мангруппы сделали это оперативно и без задержек. Часть спецподразделений, дислоцировавшихся вблизи линии государственной границы, в частности в Колонгузаре и других районах, были сняты вертолетами.

В ходе вывода приоритетной задачей было сохранение личного состава. Порой приходилось вести жаркие споры о це-

лесообразности того или иного решения. Например, в октябре 1988 года в центре внимания оказалась Имам-Сахибская мангруппа. Предварительно ее планировалось вывести на одну из тактически выгодных высот у дороги Кундуз — Шерхан. Она должна была обеспечить безопасность прохождения на этом маршруте. И вдруг прозвучало другое предложение — вывести эту мангруппу не к дороге, а к одному из участков советско-афганской границы для ее прикрытия со стороны Афганистана. Сразу возник ряд вопросов. Во-первых, в том районе с советской стороны граница охранялась достаточно плотно. Во-вторых, с афганской стороны предлагаемый для размещения участок представлял собой заболоченную местность, заросшую деревьями. Эта «зеленка» уже была под контролем душманов. Если перебросить туда три заставы на БМП еще можно было, то вытащить их без потерь обратно представлялось задачей крайне проблематичной.

Решающее слово в непростой ситуации осталось за начальником окружной оперативной группы — Анатолием Мартовицким. Анато-

лий Нестерович разобрался в ситуации. В результате в январе 1989 года Имам-Сахибская мангруппа вышла туда, куда планировалось. Выполнила задачу по прикрытию дороги. А 15 февраля 1989 года вошла в Союз, не потеряв ни одного солдата.

Когда командующий 40-й армией генерал Громов на мосту Дружбы в Термезе сказал, что за его спиной «нет ни одного советского солдата», он был несколько не прав. В тот момент наша 2-я ММГ все еще стояла под Кундузом. Она вышла из ДРА последней. Кроме того, ряд гарнизонов, выставленных вдоль Пянджа, были сняты вертолетами до 18.00 того же дня.

Выведенные мангруппы распределялись вдоль границы для ее прикрытия. По сути, мотоманевренные группы выполняли функцию оперативного резерва пограничных войск. Их бойцы, закаленные в Афганистане, могли оказать существенную помощь в любом регионе страны. Поэтому три ММГ вскоре после вывода были переброшены в другие пограничные округа, где назревала «обстановка». Одна из них была направлена в Азербайджан, вторая — в Прикарпатье, третья — в Прибалтику.

ПОСЛЕ ВЫВОДА

В 1990 году президент Наджибулла обратился к советскому руководству с просьбой об оказании помощи оружием и техникой. В тот момент в Афганистане сложилось критическое положение — власть могла в любой момент перейти к оппозиции. Мятежники захватили ряд провинций, в том числе и на севере, на границе с Советским Союзом.

Было принято решение передать правительственным войскам большое количество оружия и боеприпасов. Все это хранилось на территории огромных армейских складов, находившихся в приграничном афганском городе Хайратоне. Оружие и боеприпасы были оставлены 40-й армией в ходе вывода войск из ДРА. Доставить его афганским правительственным силам напрямую было невозможно, так как все дороги южнее Хайратона контролировали силы вооруженной оппозиции.

Было решено загрузить оружие и боеприпасы в Хайратоне, перевезти по советской территории в район Нижнего Пянджа, затем паромными в афганский порт Шерхан и уже там осуществить передачу афганским правительственным силам, воевавшим в районе Кундуза. Для этого в Пянджском пограничном отряде была сформирована колонна, в которую вошло до шестидесяти машин. Старшим колонны был назначен зампотех Пянджского отряда майор Владимир Насекин.

Колонна двинулась по советской территории в Термез, затем через мост Дружбы проследовала в Хайратон. На складах машины под завязку загружались оружием и боеприпасами. Кроме того, там же расконсервировались БТР, БМП и артсистемы, которые также направлялись афганским войскам, воевавшим под Кундузом. Когда погрузка была закончена, колонна отправилась к Нижнему Пянджу, где находилась паромная переправа. По дороге не обошлось без происшествий. Колонна вышла рано утром, один из водителей БМП заснул на ходу, и машина рухнула с моста. Несмотря на аварию, колонна прибыла в Нижний Пяндж, где благополучно разгрузилась и передала боевую технику.

Затем процесс повторился. Колонны стали ходить на регулярной основе. Учитывая происшествие с БМП, колонны было поручено воз-

главлять начальнику отряда либо начальнику оперативной группы. У начальника отряда на тот момент и без того хватало забот, поэтому водить колонны поручили мне.

Отобрали наиболее подготовленных водителей. Добились, чтобы во всех звеньях была отличная связь — для качественного управления. Продумали места привалов по маршруту движения и схему выставления регулировщиков.

Поначалу колонны заходили в Хайратон с минимальной численностью личного состава — три офицера, водители грузовиков и другой боевой техники. Между тем один склад находился на расстоянии двух-трех километров от другого. Так как наши действия на афганской территории никто не прикрывал, бандиты могли в любой момент напасть на колонну и перебить всех, кто в ней был. Чтобы обезопасить колонны от такой угрозы, на базе Пянджской ДШМГ была создана рота охраны, и она успешно справлялась с поставленными задачами.

Всего за 1990—1991 годы мне довелось провести более двадцати колонн. Благодаря этой помощи, правительственные войска смогли отбить наступление противника, а Наджибулла продержался у власти еще два года. Лишь в 1992 году оппозиция смогла захватить Кабул. ■

(Окончание следует)

После переговоров с афганскими полевыми командирами

ИЗ ОПЫТА ОХРАНЫ ГРАНИЦЫ. 30-е годы

Текст: Владимир ГАЛИЦКИЙ

Период 20-х-30-х годов XX века в отечественной истории характеризовался стабилизацией границ молодой Советской республики в условиях ее непризнания соседними государствами. Обеспечение безопасности новых рубежей требовало установления надежного пограничного режима, повышения качественных и количественных показателей комплектования пограничной охраны и войск ОГПУ. С этой целью руководством ведомства предпринималась попытка поиска оптимального сочетания оперативного и войскового способов охраны государственной границы.

Для данного периода характерны многочисленные факты нарушений на участках Государственной границы СССР с Польшей, Финляндией, Турцией, Ираном, Афганистаном, Китаем, Японией — особенно на сахалинском, маньчжурском и курильском направлениях. Нарушения границы совершались как местными жителями, преимущественно с хозяйственно-бытовыми целями, так и в результате диверсионно-разведывательных и бандитско-террористических действий антисоветских групп и отрядов из числа сбежавших за границу белогвардейцев, басмачей, кулаков. Подрывная деятельность отягощалась тем, что организовывалась и под-

держивалась материально и технически спецслужбами не только сопредельных, но и иных враждебных СССР государств, опиравшихся на разветвленную пособническую и шпионско-диверсионную сеть. Основу ее составили антисоветские элементы, проживавшие на территории нашей страны, особенно в приграничной полосе.

Нередко жители приграничья, в силу различных причин настроенные к советской власти враждебно, снабжали закордонные разведывательно-диверсионные, террористические и другие отряды информацией об особенностях пограничного режима, важных административных, оборонных и на-

родно-хозяйственных объектах, должностных лицах различного уровня. Такое пособничество существенно затрудняло обеспечение безопасности государства в пограничном пространстве. Нередко масштабы подрывных действий в приграничном регионе распространялись на глубину свыше 30 километров.

Для должного противодействия вызовам и угрозам безопасности страны от пограничной охраны и войск ОГПУ требовались адекватные усилия. Исходя из тактики, форм и методов диверсионно-террористической, шпионской и иной подрывной деятельности спецслужб иностранных государств, антисоветских формирований и организаций, дислоцировавшихся на территории сопредельных государств, одними войсковыми мерами задачу борьбы с ними эффективно решить было невозможно. Тем не менее следует отметить, что, несмотря на трудности рассматриваемого периода, советские пограничники самоотверженно и в целом довольно успешно охраняли государственную границу.

Одна из причин такого положения дел виделась в разрушении ранее действовавшей и положительно зарекомендовавшей себя системы обеспечения пограничной безопасности России. В новых исторических реалиях возникла объективная необходимость построения новой системы охраны государственной границы. На фоне обострения политической, социально-экономической, религиозной и межнациональной обстановки в пограничном пространстве СССР, особенно на участках северо-западной, западной, южной и дальневосточной границы, для решения этой задачи государственной важности не хватало необходимых людских, материальных и финансовых ресурсов, в том числе для быстрого прикрытия рубежей страны необходимыми оперативно-войсковыми и инженерно-техническими средствами. К тому же на эффективности оперативного и войскового прикрытия государственной границы сказывалось отсутствие опыта службы и необходимых профессиональных качеств у части руководящего и оперативного состава подразделений пограничной охраны и войск ОГПУ.

28 мая 1918 года на основании Декрета СНК была учреждена пограничная охрана Советского государства. Свою работу первые советские пограничники осуществляли в тесном контакте с органами ВЧК. Уже в 1918 году по указанию Ф.Э. Дзержинского были созданы 34 пограничные чрезвычайные комиссии (ПЧК), назначены 60 комиссаров для работы в пунктах пропуска, а при ВЧК был сформирован пограничный подотдел, который координировал деятельность пограничников и чекистов.

По рекомендации Ф.Э. Дзержинского руководство охраной западного участка границы было возложено на пограничника П.М. Боревица, в 1921 году погибшего на боевом посту. Созданием советской морской погранохраны занимался Модест Иванов, впоследствии — первый советский адмирал.

Поистине, исторической датой можно считать и 15 февраля 1921 года. В этот день Председатель ВЧК утвердил «Инструкцию частям войск ВЧК по охране границ и взаимоотношениям с Особотделами по охране границ». Именно с этого момента пограничники вошли в состав органов безопасности, а 15 февраля до 1958 года отмечался как День пограничника.

В 1923 году по инициативе Ф.Э. Дзержинского в Москве была образована Высшая пограничная школа, из стен которой осенью 1924 года вышли первые командиры-пограничники. В своем обращении к выпускникам школы он отмечал: «Вам предстоит еще долгое время работать в тяжелых условиях, с удвоенной энергией, чтобы в кратчайший срок, с минимальными затратами материальных средств поставить работу пограничной охраны на должную высоту».

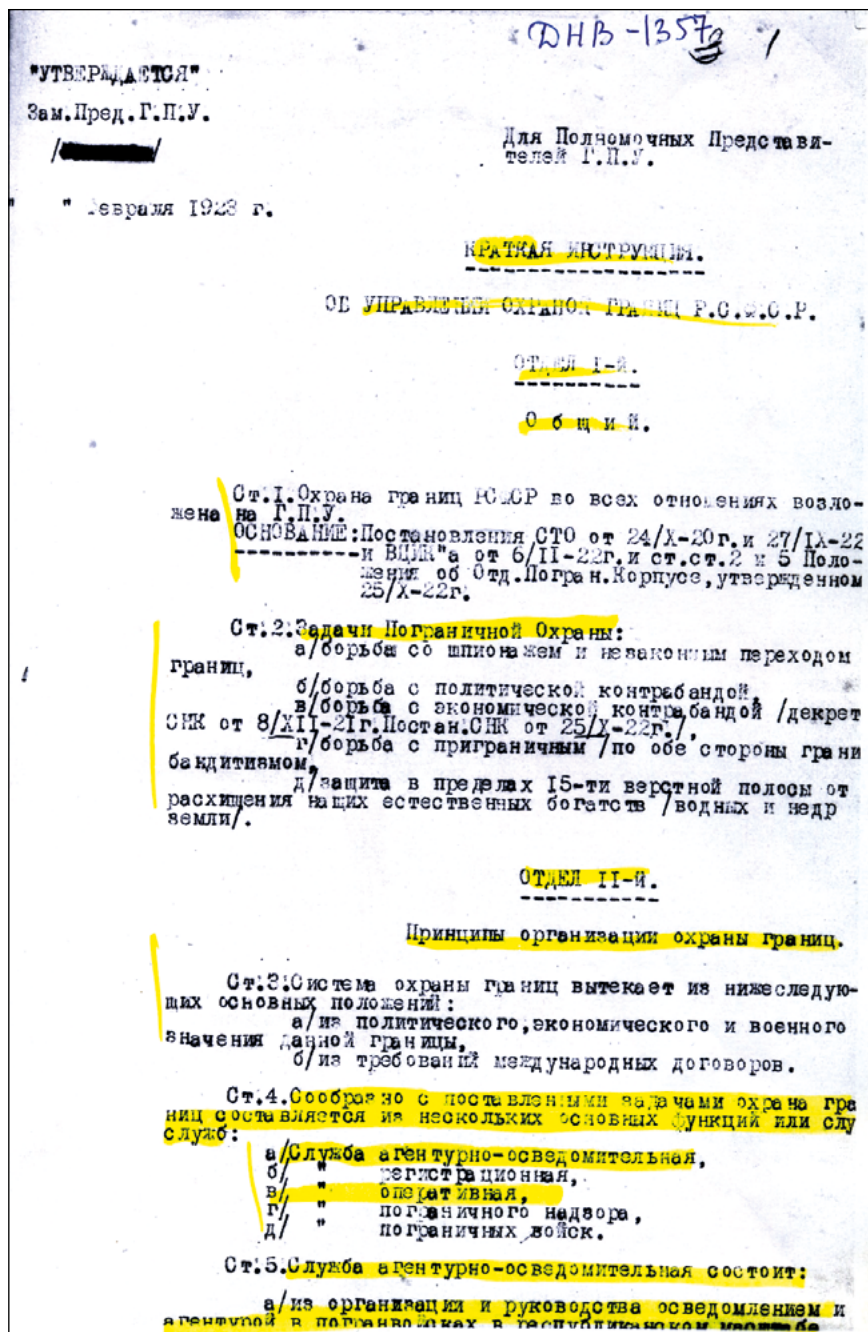
В 1924 году была определена структура войск пограничной охраны: округ — пограничный отряд — комендатура — пограничная застава. Эта структура сохранилась вплоть до начала XXI века.

Практика показывала, что в этих условиях надежная охрана и защита государственной границы могла быть решена только оптимальным сочетанием оперативных и войсковых методов. По мнению руководства пограничной охраны и войск ОГПУ, единственным способом минимизировать негативные последствия указанных причин могло быть повышение качества и эффективности оперативного прикрытия государственной границы, что позволяло не только целенаправленно применять оперативно-боевые силы и средства, но и минимизировать материально-финансовые затраты. При этом под оперативным прикрытием госграницы подразумевалось создание системы взаимосвязанных, объединенных единым планом, под единым руководством разведывательных, контрразведывательных и оперативно-разыскных мер и мероприятий по заблаговременному выявлению разведывательно-подрывных и иных преступных намерений со стороны враждебных нам сопредельных государств, а также внутренних и закордонных антисоветских организаций и групп.

Естественно, реализация вышеизложенных намерений являлась делом не одного дня и даже не одного года. В связи с этим возник вопрос: как в таких условиях обеспечить требуемую безопасность

пограничного пространства нашего государства? Помимо повышения качества и эффективности сил и средств, которыми в то время располагали пограничная охрана и войска ОГПУ, в сложившейся военно-политической и оперативной обстановке предполагалось акцентировать внимание именно на оперативной составляющей в охране государственной границы. Исходя из этого, было принято решение объединить усилия приграничных территориальных органов контрразведки с оперативными органами пограничной службы, действующими непосредственно в приграничной полосе в звене пограничных отрядов и комендатур.

Одной из попыток реализовать этот замысел было создание в начале 1931 года так называемых оперативных секторов. Оперативные сектора создавались на определенной территории для непосредственного проведения оперативных мероприятий «слияния» управлений пограничных отрядов, контрразведывательных и разведывательных отделов ОГПУ. В том же году было опубликовано Положение «Об оперативных секторах». Необходимо подчеркнуть, что в основе замысла лежало проведение эксперимента, позволявшего опытным путем определить правильность и эффективность принятого политического и административного

ответствующих погранотрядов или комендантам отдельных комендатур, и только через последних осуществляется руководство Полномочными представительствами.

Согласно документу, начальники пограничных отрядов и коменданты отдельных комендатур наделялись правами начальников оперативных секторов, а аппараты райгортделений и райуполномоченных, территориально расположенные в одном пункте с управлениями погранотрядов, отдельных и не отдельных комендатур, сливались с аппаратами последних. При этом функции начальников райгортделений (райуполномоченных) выполнялись непосредственно соответствующими начальниками погранотрядов (комендантами), а аппараты райгортделений работали в штатах оперативных аппаратов пограничных отрядов (отдельных комендатур) на правах самостоятельных групп.

Определялось, что выдача разрешений на право ношения оружия и допуск к ведению секретной и мобилизационной переписки в приграничных районах, где нет райгораппаратов, производится управлениями пограничных отрядов (отдельных комендатур). В новой структуре всю оперативную отчетность, а также отчетность по информационной работе в районе райотделения и райуполномоченные приграничных районов направляют в двух экземплярах непосредственно начальникам пограничных отрядов (комендантам отдельных комендатур). Последние же в этой работе отчитываются перед Полномочным представительством ОГПУ по всей обслуживаемой пограничным отрядом или отдельной комендатурой пограничной полосе.

К Положению прилагался список городских и районных аппаратов ОГПУ, которые переподчинялись пограничным отрядам и отдельным пограничным комендатурам. В соответствии с этим списком вдоль всей границы от Карелии до Дальневосточного края пограничной охране ОГПУ было передано 130 районных и 6 городских аппаратов, которые распределялись между 24 погранотрядами и 16 комендатурами. Судя по объемному списку переданных в погранотряды

решения. Однако такая мера не могла полностью реализовать задачи оперативного прикрытия госграницы. Поэтому в начале февраля 1931 года был издан приказ, в котором предписывалось разработать соответствующее положение об объединении специальных и оперативно-войсковых усилий всех силовых структур органов ОГПУ, дислоцировавшихся в приграничной полосе.

Последующим приказом ОГПУ объявлялось «Положение о порядке подчинения расположенных в приграничной полосе городских и районных аппаратов ОГПУ пограничным отрядам и отдельным

комендатурам». Приказ был подписан заместителем председателя ОГПУ Г. Ягодой и начальником административно-организационного управления пограничной охраны и войск ОГПУ И. Воронцовым. В Положении, в частности, указывалось, что в целях максимальной увязки проводимых в приграничной полосе мероприятий и полного использования всех данных информации в деле охраны границы приграничные райгортделения и уполномоченные приграничных районов подчиняются во всех отношениях — оперативном, финансово-хозяйственном, административном — начальникам со-

и комендатуры горрайаппаратов территориальных органов ОГПУ, эксперимент носил масштабный и относительно научный характер, позволявший вскрыть особенности системы оперативного прикрытия в нескольких регионах пограничного пространства на всем протяжении Государственной границы СССР.

Наглядным примером построения подобной системы охраны рубежей страны в упомянутый период является сюжет первых серий культового сериала «Государственная граница», демонстрирующего успешное сочетание войсковых и оперативных, как разведывательных, так и контрразведывательных, мероприятий в борьбе с подрывной деятельностью польских спецслужб и белогвардейского подполья. В роли старшего оперативного начальника выступал один из главных героев фильма комендант отдельной комендатуры, а затем и начальник пограничного отряда капитан Гамаюн.

Необходимо отметить, что концентрация оперативной и войсковой составляющих под единым руководством начальников погранотрядов и отдельных комендатур сыграла положительную роль в деле повышения эффективности защиты государственной границы и обеспечения безопасности в приграничном пространстве. Однако опыт показал, что в условиях неприяельского окру-

жения руководители погранотрядов и отдельных комендатур должны быть профессионально подготовленными не только в войсковом и разведывательном, но и в контрразведывательном отношении. Помимо всего прочего от них требовалось умение организовывать контрразведывательную работу на территории, прилегающей к границе административного района и т.д.

В определенной степени это могло быть компенсировано за счет организационно-штатных мероприятий. Например, наличием у начальника пограничного отряда или отдельной комендатуры двух заместителей: один — в области территориальной контрразведки (руководство подразделением, осуществляющим контрразведывательное обеспечение территории приграничного административного района), другой — заместитель по разведке (ответственный за организацию разведывательной деятельности на территории сопредельного государства и в приграничной полосе). Однако этого не было сделано: начальник горрайотдела (отделения) просто переходил в непосредственное подчинение начальнику погранотряда или погранкомендатуры. Параллельно он оставался в оперативном подчинении регионального Полномочного представительства ОГПУ, которому он до этого непосредственно подчинялся.

Двойственное положение существенно влияло и на реализацию поставленных целей и задач, поскольку руководители местных территориальных органов ревностно отнеслись к такому переподчинению, считая, что это нововведение, с одной стороны, понижало их статус на региональном уровне, а с другой — не устраняло параллелизм в работе оперативных подразделений пограничной охраны и оперативных подразделений горрайаппаратов. Те и другие, по сути, продолжали вести работу в зоне своей оперативной ответственности самостоятельно, не всегда полно обмениваясь добытой оперативной информацией и т.д. Поэтому «стихия» несогласованных и слабо регулируемых мероприятий в рамках решения оперативных задач, стоящих перед пограничными отрядами, нарушала работу последних, отвлекала от непосредственных задач по охране госграницы. Эксперимент по поиску способов повышения эффективности защиты госграницы в 30-е годы XX века продолжался вплоть до 1934 года и в связи со сложностью регулирования взаимодействия между пограничными органами и территориальными органами ОГПУ был свернут.

Будет неправильным утверждать, что он был неудачным, поскольку в ходе эксперимента были вскрыты серьезные пробелы в деле обеспечения безопасности государства в приграничном пространстве, что потребовало как пересмотра концепции охраны и защиты госграницы, так и разумной оптимизации организационно-штатной структуры пограничной охраны и войск ОГПУ.

Более углубленное изучение опыта функционирования оперативных секторов и проблемы взаимодействия погранотрядов и комендатур с местными территориальными органами безопасности в прошлом может быть востребованным и в настоящее время. Результаты исследования ученых дают основание выразить мнение о том, что вопросы эффективности защиты пограничного пространства Российской Федерации в условиях активизации международного терроризма и экстремизма, в том числе трансграничной организованной преступности, становятся все более востребованными. ■

ГЕНЕРАЛ ЛОГОФЕТ: ИЗ ПРОШЛОГО В БУДУЩЕЕ

Текст: Денис ВЕЧКАНОВ

Фото автора

В Москве на Новодевичьем кладбище состоялся ритуал установки временного надмогильного креста на месте захоронения выдающегося ученого-востоковеда, писателя и публициста генерал-майора Отдельного корпуса пограничной стражи, а впоследствии помощника начальника Главного управления пограничной охраны молодой Советской республики и начальника Московской кавалерийской школы Дмитрия Николаевича Логофета.

Будем откровенны, для нашего издания это имя интересно еще и потому, что оно тесно связано с одним из самых сложных регионов Содружества — Средней Азией. Как отметил заместитель начальника Центрального пограничного музея ФСБ России Ринат Ахметшин, в преддверии 100-летия учреждения пограничных органов подобные мероприятия приобретают особое звучание. Поэтому и интерес к ним соответствующий. Вот и на сей раз в целях увековечения исторической памяти о выдающемся генерале в одном из самых почитаемых мест столицы собрались сотрудники музея, представители Российского совета ветеранов (пенсионеров) пограничной службы, дальние родственники заслуженного генерала-пограничника, журналисты.

Пытливый читатель вправе задать вполне резонный вопрос: почему на одном из старинных и известных на всю страну кладбищ, где захоронены заслуженные люди, в том числе и первые лица страны, только сейчас на могиле небезызвестного отечественного военного писателя, публициста, офицера, руководителя высокого ранга установлен даже не памятник, а только временный крест с его фотографией и годами жизни? Достоверных ответов на этот простой вопрос сегодня вряд ли от кого-то услышишь. Но можно предположить, что в тяжелейшие послереволюционные годы за могилой не удавалось в полной мере ухаживать ни родственникам Дмитрия Логофета, ни его коллегам. Не следует исключать и еще одного важного факта: под жернова репрессий попал один из сыновей Логофета, что могло сказаться на отношении к личности героя нашей публикации официальных структур.

Впрочем, пришла пора предположения, загадки и версии оставить в стороне. Тем более что имя Дмитрия Логофета никогда не забывалось ни пограничниками, ни учеными, ни писателями. Большое количество подготовленных в советское и настоящее время диссертаций, посвященных Средней Азии, в том числе и охране границ с Афганистаном и Персией (Ираном), были написаны с использованием путевых очерков публициста-пограничника. Его военные произведения пользовались заслуженным уважением у маринистов и баталистов.

И в наше время, если на просторах «всемирной паутины» ввести в поисковике имя и фамилию генерала, найдется немало страниц Интернета, где будет упоминание о нем. Кстати, в небезызвестной Википедии также есть небольшая биографическая статья, посвященная Д. Логофету, в которой, между прочим, указано, что захоронен он на Новодевичьем кладбище.

Конкретное же место с номером могилы было обнаружено совсем недавно. Бывшая сотрудница Центрального пограничного музея ФСБ России Раиса Никулина по долгу своей деятельности занималась изучением истории ОКПС, собирая информацию по пограничному ведомству Императорской России. Кстати, именно она смогла найти записи о могиле командира ОКПС генерала от артиллерии Александра Дмитриевича Свинына, который захоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Проверяя уже московские некрополи, Раиса Никулина узнала, что Дмитрий Николаевич Логофет захоронен рядом с Новодевичьим монастырем. Однако могилу найти не удавалось — запись о конкретном месте его погребения отсутствовала. Но несколько лет назад эта запись случайно была найдена одним из сотрудников администрации Новодевичьего кладбища. Он не знал, что делать с этой информацией. Родственникам сообщить не мог, поскольку ничего о них не знал, а об интересе пограничников, скорее всего, даже не задумывался.

А между тем, несколько лет назад член Союза писателей России Александр Калинин начал

работу по составлению сборника очерков и рассказов Дмитрия Николаевича Логофета. Параллельно с работой над книгой в Центральном пограничном музее ФСБ России при поддержке Российского совета ветеранов (пенсионеров) пограничной службы стали готовить документальный фильм о генерале. В ходе его подготовки музейные работники вспомнили, что захоронен заслуженный пограничник на Новодевичьем кладбище, но могила не найдена и, соответственно, никак не обозначена.

Собрали в музее «круглый стол», посвященный пограничнику-публицисту. Одной из активно обсуждавшихся проблем как раз и стал поиск могилы Д.Н. Логофета. Когда же обратились в администрацию кладбища с просьбой оказать содействие в поиске захоронения, выяснилось, что загадка нахождения могилы — уже не загадка.

Место захоронения на фоне соседних памятников выделялось своей «пустотой». На участке росли трава да луговые цветы. Еще бы пару лет, и данное место вполне могли выделить под новую могилу.

— Дмитрий Николаевич верой и правдой служил Родине в Отдельном корпусе пограничной стражи, обеспечивая охрану сначала на западном участке го-

сударственной границы Российской империи, а затем и в Средней Азии, — сказал в своем выступлении перед собравшимися на Новодевичьем кладбище генерал-полковник в отставке Мансур Валиев. — Участник Русско-японской и Первой мировой войн, он отдал много сил вопросам надежной охраны государственных границ Российского государства.

В 1918 году, когда было принято решение о создании пограничной охраны молодой Советской республики, Дмитрий Логофет наряду со многими другими офицерами Отдельного корпуса пограничной стражи был приглашен для этой работы. И вскоре был назначен помощником руководителя Главного управления пограничной охраны РСФСР. Тот период показал, что пограничники, служившие ранее в ОКПС, в большинстве своем откликнулись на просьбу и вернулись в ряды пограничных войск, организовывая охрану госграниц нового государства. Но Дмитрий Николаевич не только стоял у истоков этой деятельности, но и оставил значимый след в истории как писатель, публицист, ученый-исследователь Средней Азии. Его труды и по сей день используются в научной сфере, что говорит об их качестве.

Сотрудники Центрального пограничного музея ФСБ России проделали большую работу для того, чтобы привести в порядок место захоронения Дмитрия Николаевича и еще раз напомнить об этом человеке. В музее размещен стенд, посвященный Д.Н. Логофету, а также создан короткометражный фильм. Думаю, скоро на могиле этого замечательного человека и гражданина установят достойный памятник.

Как сказал автор фильма Роман Зимин, его всегда интересовала история Отдельного корпуса пограничной стражи. Документальная лента должна стать своеобразным инструментом пробуждения интереса не только к личности генерал-майора Д.Н. Логофета, но и к двум важным историческим периодам в пограничной охране: дореволюционному и советскому, особенно в канун 100-летия учреждения пограничной охраны.

— Дмитрий Николаевич приходится нам с братом Владимиром двоюродным прадедушкой, — сказал в завершение мероприятия Вадим Логофет. — Наша семья также изучала историю его жизни. Мы горды и счастливы, что память о нем жива, что Пограничная служба ФСБ России совместно с ветеранской организацией нашли возможность провести работу по установлению точного места его захоронения, что в Центральном пограничном музее снят фильм о нем, а в издательстве «Граница» готовится к выходу в свет сборник его очерков и рассказов. Для нашей семьи это большая честь. Поэтому хотелось бы сказать большое спасибо всем тем, кто проделал и продолжает делать эту важную кропотливую работу.

Несмотря на то что Дмитрия Николаевича уже нет с нами почти век, память о нем как о заметной фигуре в истории пограничной охраны России, а также публицисте и ученом жива...

* * *

Дмитрий Николаевич Логофет родился 19 марта 1865 года в имении Польское Елецкого уезда Орловской губернии (ныне — деревня Польское Становлянского района). По отзывам современников, двоюродная семья Логофетов счита-

Рис. Анатолия СИДОРУКА

лась либеральной, прогрессивно настроенной. Так, еще до отмены крепостного права в России предки Дмитрия Николаевича освободили своих крестьян, предоставив им возможность самостоятельно определяться в жизни. Младшие братья Дмитрия Николаевича — Владимир и Николай — также были офицерами. Николай служил в Отдельном корпусе пограничной стражи.

С юного возраста Логофет много и с жадностью читал. Чтение быстро сделало свое дело: у будущего писателя вскоре обнаружи-

лись творческие силы. Известно, что первая статья Логофета была помещена в журнале «Охотничий вестник» 10 октября 1888 года.

О семейной жизни Дмитрия Николаевича известно лишь то, что он был дважды женат. От первого брака Логофет воспитывал двух сыновей. Старший, Николай Дмитриевич, по зову сердца отправился рядовым на Русско-японскую войну 1904—1905 годов, добровольцем сражался на фронтах Первой мировой войны. В 1915 году за отличие в боях с германцами был произведен в офицеры и на-

гражден Георгиевским крестом. В 1919 году «краском» Николай Дмитриевич Логофет командовал 48-й стрелковой дивизией, воевавшей на Западном фронте. В 1927 году прославленный красный командир, не дожив до сорока лет, ушел из жизни.

Младший сын Борис в 1914 году окончил сокращенный курс Александровского военного училища, выпустившись из него прапорщиком. По примеру отца и старшего брата сражался с врагом в годы Первой мировой войны, был ранен. В 30-е Борис Дмитриевич служил начальником курсов промышленного факультета Военно-химической академии РККА в Москве. 15 марта 1938 года его арестовали, обвинив в шпионаже в пользу польской разведки. 4 июня 1938 года Б. Логофет был расстрелян на Бутовском полигоне под Москвой.

До поступления на военную службу Дмитрий Логофет воспитывался в Орловской (Бахтина) военной гимназии. В апреле 1883 года, закончив учебное заведение, он, к огорчению родителей, не стал утверждаться на государственной чиновничьей службе, а избрал судьбу вольноопределяющегося первого разряда 2-го пехотного Софийского императора Александра III полка, дислоцировавшегося в городе Смоленске.

Логофет, по воспоминаниям товарищей, отличался большим трудолюбием и старательностью. К примеру, лучше, чем многие из них, он освоил стрелковое оружие, неоднократно побеждал на состязаниях по стрельбе. Снайперские навыки затем не раз выручали его в боевой обстановке. Дмитрия Николаевича, как лучшего в полку, даже включили в состав войск, собираемых по случаю священного коронования императорских величеств.

В сентябре 1883 года перспективного военнослужащего командировали на учебу в Киевское пехотное юнкерское училище. Годом позже за прилежание при усвоении курса учебных дисциплин он был произведен в унтер-офицеры. Для начинающего младшего командира первые серьезные испытания стали хорошим стимулом в карьерном росте. В мае 1886 года Логофета назначают старшим ун-

тер-офицером с утверждением его в должности взводного унтер-офицера 2-й роты юнкеров.

Всеядность ума и жажда познания, присущие нашему герою, не укладывались в рамки обычного стремления к знаниям. Максимально используя свободное от службы время для самообразования, он изучил теорию права за два года учебы вольнослушателем на юридическом факультете Московского императорского университета. Полученные знания успешно применял в своей военной практике. Кроме того, Логофет окончил Санкт-Петербургский археологический институт и курсы восточных языков при Азиатском департаменте МИД России, что пригодилось ему на службе в Средней Азии.

В январе 1889 года в биографии Дмитрия Николаевича произошли судьбоносные перемены. «По воле начальства», как записано в послужном списке офицера, и при непосредственном участии командира 2-го Софийского полка полковника Николая Васильевича Левицкого Логофета переводят в Пограничную стражу. Оказавшись в ведомстве с непривычным для пехотного офицера укладом службы, новоиспеченному пограничнику довелось многому учиться, чтобы стать профессионалом в деле охраны государственной границы.

Одна из самых важных, теперь уже с полным правом можно сказать — определяющих, страниц в военной карьере офицера началась с приказа командира 12-й Калишской пограничной бригады № 45 от 11 февраля 1889 года, по которому подпоручик Логофет назначался субалтерн-офицером с переименованием его в корнеты. Сильные впечатления от нахлынувших тревожных будней в западном приграничье Российской империи его по-настоящему увлекли. Позже в своих литературных сочинениях писатель скажет, что с большим интересом познавал тонкости пограничной службы, порой рисковал жизнью в схватках с контрабандистами. Стойко приходилось переносить и тяготы бытовой неустроенности. Ведь характер обязанностей по службе предполагал частые переезды,

смену места пребывания в подразделениях границы, что сказывалось на благополучии его семьи. Так, в первой своей должности он пробыл всего три месяца, не успев порядком освоиться в коллективе. А уже 25 мая 1889 года его откомандировали во вновь сформированную 13-ю Велюнскую пограничную бригаду.

Напряженная обстановка на границе, нехватка сил и средств для борьбы с контрабандистами принуждали окружное начальство задействовать резервы для назначения на вышестоящие должности, в том числе субалтерн-офицеров, не имеющих пограничного опыта. В сложных условиях, как того требовала оперативная обстановка, подпоручик Логофет «прошел должности», командуя одиннадцатью отрядами.

Помимо задач, связанных с охраной границы, Логофета, как наиболее подготовленного офицера, привлекали к общевоинским маневрам. К примеру, в звании поручика от группы офицеров 13-й Велюнской пограничной бригады он участвовал в составе 1-го сводного полка Пограничной стражи на высочайших маневрах под Ивангородом, проходивших с 20 июля по 15 сентября 1891 года.

Пребывание офицера Логофета на дальних участках границы, знакомство с новыми людьми, особенностями службы постепенно совершенствовали его командирские качества, прививали ему важные для пограничника навыки: наблюдательность, ловкость, умение анализировать обстановку, принимать ответственные решения в исключительных обстоятельствах.

Наиболее продолжительным, почти два года, оказалось нахождение Логофета в Каминском отряде, которым он руководил с 15 октября 1892 года по 1 июля 1894 года. По отзывам окружного начальства, офицер основательно изучил обстановку на охраняемом участке, не имел нареканий по службе, постоянно заботился о подчиненных, учил их пограничному делу, строго спрашивал с нерадивых солдат за упущения по должности.

В 1893 году Пограничную службу реорганизовали в формирование специального назначения.

Отряд, возглавляемый поручиком Логофетом, органично вписался в новую структуру ОКПС, демонстрируя умелые действия в противостоянии с контрабандистами.

Отдельные яркие и поучительные эпизоды, в которых участвовал лично, писатель использовал в литературном творчестве. Рассказы молодого офицера из жизни на границе, наполненные тревожными буднями, с большим желанием, тепло и радушно принимали в редакциях популярных столичных журналов, таких как «Разведчик», «Вестовой», где их охотно печатали. Творческой удачей стали для него публикации в популярной книжной серии «Солдатская библиотека», выходящей в издательстве В.А. Березовского в Санкт-Петербурге. Вскоре до читателей дойдут его новые сочинения о буднях стражей границы: «Первый раз в секрете», «Контрабанды нет», «Контрабанда задержана», «Нечистое место», «Не дался в обиду», «Подшутили» и другие. Глубокие по замыслу сюжета, написанные легко и доходчиво, эти миниатюры из быта солдат и офицеров стали сокровищницей познания уклада службы и жизни пограничников, их помыслов и надежд. Такие рассказы, как «У страха глаза велики», «В неравном бою», «Правого суд не осудит» и многие другие, всего более 50 наименований, стали ориентиром для целой плеяды военных писателей, раскрывающих пограничную тему.

В мае 1894 года Логофет меняет место службы. Он по собственному желанию переводится в 19-ю Волочинскую пограничную бригаду, где назначается субалтерн-офицером Гусятинского отряда. Руководство прославленной пограничной бригады смело доверяло Дмитрию Николаевичу наиболее ответственные участки. Вскоре он становится штабс-ротмистром с утверждением в должности отрядного офицера, а затем, учитывая уровень его подготовки, Логофета переводят на должность заведующего оружейной мастерской и учебной кузницей. И еще один важный штрих к портрету будущего гене-

СЪ ТЕАТРА ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

(Впечатлѣнія).

Подъ Ярославомъ.

XXVII.

Дождливое время окончилось и начались ясные солнечные дни.

По утрамъ в то что ночью былъ покровомъ всё

Лишь рѣки, мерзали.

Окрашивая прорѣзая на в землю тучи.

Рѣзкій холод съ пожелтѣвши Во всемъ чу

Гдѣ-то, очень близко, слышится грохотъ орудіейной пальбы, заставляющей жителей пугливо озираться и таинственно перешептываться, дѣлая заключение о ихъ значеніи. Не въ далекомъ разстояніи отъ города разгорается бой. Часть горизонта закрыта густыми клубами дыма, гдѣ-то горитъ деревня.

Д. Н. Логофетъ.

СВѢДѢНІЯ ОБЪ УБИТЫХЪ И РАНЕНЫХЪ *).

Отъ особаго отдѣленія Главнаго Штаба по сбору свѣдѣній о потеряхъ въ дѣствующихъ арміяхъ. (Адресъ Отдѣленія: Петроградъ, Караванная улица, домъ № 1.

На Санѣ.

XXVIII.

Широко разлился бурный Санѣ. Послѣ дождей въ горахъ русло рѣки переполнилось и она выступила изъ береговъ, затопивъ всё ямы и низкія мѣста. Полотно желѣзной дороги кое-гдѣ попорчено разорванными тяжелыми снарядами. Съ обѣихъ его сторонъ видѣются окопы, еще вчера занимавшіеся русскими войсками.

Какъ-то странной кажется тишина въ этихъ мѣстахъ послѣ долгихъ трехъ недѣль постоянной канонады на этомъ участкѣ. Передовыя войска прошли впередъ, и здѣсь теперь за спѣшной работой желѣзнодорожныя части.

На путяхъ, протянувшихся на цѣлую версту, стоятъ поѣзда. Длинными санными желѣзнодорожными станціями. Будто люди, сидѣть тутъ

покрылись кожанымъ, выдѣляющимся въ тѣхъ черныя полосы

надъ полями, со-

къ чиновъ сталъ

шахи, романовскіе

куртки на мѣху

иска начали го-

СВѢДѢНІЯ ОБЪ УБИТЫХЪ И РАНЕНЫХЪ.

Отъ особаго отдѣленія Главнаго Штаба по сбору свѣдѣній о потеряхъ въ дѣствующихъ арміяхъ. (Адресъ Отдѣленія: Петроградъ, Караванная улица, домъ № 1 *).

УБИТЫ: прирщ. Адамовъ, Владиміръ Вячеславовичъ; прирщ. Бергъ, Фридрихъ Фридриховичъ; пдирч. Вернеръ, Валеріанъ Карловичъ; кап. Володзько, Станиславъ Дмитріевичъ; пдирч. Драновъ, Анавій Ивановичъ; пдирч. Елеуновъ, Никита Іаврентьевичъ; прирщ. Ивановъ, Константинъ Петровичъ; прирщ.

*) По свѣдѣніямъ, напечатаннымъ въ „Русск. Инвалидъ“ 1-го января № 2, 4-го января № 3 и 8-го января № 6.

рала. Назначение штабс-ротмистра Логофета членом бригадного суда общества офицеров свидетельствовало о его высоком авторитете в коллективе, исключительном доверии к нему со стороны сослуживцев. Высокой чести товарищей, по сути, еще достаточно молодой офицер удостоивался в течение нескольких лет.

После десяти лет пограничной службы в западном регионе Российской империи Логофет решает поменить привычный уклад жизни, соглашаясь на перевод в Среднюю Азию. 10 июля 1899 года по приказу шефа Пограничной стражи С.Ю. Витте Дмитрий Николаевич назначается старшим адъютантом в управление 7-го округа Отдельного корпуса пограничной стражи. 11 августа 1899 года он отправился к новому месту службы. Преодолев несколькими видами транспорта более четырех тысяч километров пути, 7 октября 1899 года он прибыл в город Ташкент.

Служба в непривычных природных условиях Средней Азии придала Логофету дополнительный жизненный импульс. В новом регионе офицеру приходилось не только многому учиться, но и адаптироваться к жаркому климату, особенностям взаимоотношений с местным населением, для чего он активно изучал уклад жизни, традиции и обычаи азиатских народов. Он старательно выполнял различные поручения командования округа, особенно там, где требовалось знание языка для общения с местным населением. 6 декабря 1899 года за ревностное исполнение должности его утвердили в звании ротмистра...

В декабре 1903 года Логофет был утвержден в должности штаб-офицера для поручений с присвоением ему воинского звания подполковника. А через несколько месяцев по приказу шефа Пограничной стражи подполковник Логофет назначается командиром 3-го отдела 31-й Аму-Дарьинской пограничной бригады. К новому месту службы он прибыл только 21 июня 1904 года, после положенного ему продолжительного отпуска.

Случай не столько редчайший, сколько показательный — четырехмесячный отпуск офицер провел в боевой обстановке на фронте Русско-японской войны 1904—1905 го-

Московская улица, Ташкент

дов в составе 1-го Заамурского пограничного конного полка. Выполняя должностные обязанности при штабе действующей армии и в боевых порядках полка, он, как военный корреспондент, бойко писал зарисовки в столичные издания о происходящем на фронте.

Храбрый офицер активно участвовал в боях с японцами: 18 апреля — под Тюрингеном, 2 июня — под Вафангоу. Доблестью и высокой командирской выучкой он отметился в Корейском походе. Увиденное и пережитое на войне корреспондент Дмитрий Логофет, как говорится, по горячим следам опишет в публицистических материалах и литературных произведениях. Так, его рассказы «После боя», «Атака», «Без вести

пропавший», «Паника» и другие опубликуют журналы «Разведчик», «Братская помощь», газета «Русский инвалид», с которыми он активно сотрудничал. Главными героями писателя по-прежнему оставались самоотверженные русские офицеры и солдаты, мужественно сражающиеся за Отечество с сильным и коварным врагом.

В июне 1904 года, как уже было отмечено, набравшись фронтовых впечатлений, Дмитрий Николаевич прибывает в бригаду, где полностью окунается в бурную пограничную жизнь с регулярными выездами на линию границы, сборами, учениями и другими заботами, требующими от него выносливости, крепкого здоровья и организованности.

Бой под Тюрингеном

№ 1290.

28 июля 1915 г.

Подписная цена
с доставкой и пересылкой на год 6 руб.
На 1/2 года 4 р., на 3 месяца 2 р., за границу 8 р.
Отдельные №№ по 15 к.
За пересылку адр. 25 к.
Стат. и заметки должны быть за подписью и адрес. автора.
В случае надобности статьи пересылаются в редакцию. Для личных объяснений редакция открыта исключ. праздн., по вторн., четв. и пятниц. от 6 до 8 ч. Тел. № 72-52.

Выполняя должностные обязанности, подполковник Логофет часто путешествовал по региону, находясь в пустынных и горных местностях, где иногда приходилось вступать в стычки с контрабандистами, рисковать жизнью.

При этом Дмитрий Николаевич продолжает яркими литературными красками рисовать своеобразную и суровую жизнь пограничников. В самых тяжелых условиях, сохраняя бодрость духа, проходят перед читателем мастерски нарисованные Логофетом образы офицеров и солдат, заброшенных на далекие окраины

империи. Рассказывая, писатель напоминает читателю о тех, кто выполняет свой долг, рискуя жизнью в мирное время. «Недалеко от поста Томока, — пишет автор, — на холме поставлен небольшой памятник убитым ротмистру Яновскому и вахмистру Жукову, напоминая о смелых людях, положивших свою жизнь на службе государству. Ежедневно мимо него проходят разъезды, с почтением снимая шапки... Вечная Вам память!»

18 июня 1909 года Дмитрий Николаевич Логофет произведен в чин полковника. В этот период к Логофету приходит признание как писателя и востоковеда. Большой резонанс в обществе получили вышедшие в издательстве В.А. Березовского его книги «Страна бесправия», «По Каспийскому морю» и другие. Сочинения активно публиковали периодические издания города Ташкента, а также столичные газеты и журналы. Так, в газете «Русский инвалид» российский ученый, геополитик генерал-лейтенант Александр Евгеньевич Снесарев, говоря о произведениях Логофета, отмечал: «Книга хорошая, тепло и с пониманием дела написанная».

Горячо поддерживал творчество появившегося самобытного автора сослуживец Логофета по Средней Азии главный редактор журнала «Военный сборник»

генерал-майор Анатолий Дмитриевич Шеманский. Он характеризовал писателя как способного дипломата, сумевшего деликатно и тонко показать истинное состояние дел в реальных отношениях России и правителей государств Средней Азии. В журнале «Разведчик» Анатолий Дмитриевич напишет: «Автор, бесспорно, один из немногих у нас, отлично знающий Бухару и бухарский вопрос, и не только из книг, а наблюдая то и другое на месте во время долгой службы в этой стране. Правдиво и доказательно, с цифрами в руках, со ссылками на официальные документы оценивает бухарский вопрос с его главных сторон. Автор тысячу раз прав, и его заслуга перед обществом велика за это».

Собранный Д. Логофетом материал в ходе путешествий по просторам Средней Азии лег в основу цикла рассказов о присоединении новых территорий, героизме русских солдат и офицеров. Отличительной чертой его литературных произведений является то, что они основаны на реальных исторических фактах. К примеру, одним из героев рассказа Дмитрия Николаевича «Верные до смерти» представлен унтер-офицер 2-го Туркестанского стрелкового батальона Фома Данилов. В России о его испытаниях за верность веры и мученической смерти писали многие газеты. К этой теме

обращался в том числе и Федор Михайлович Достоевский.

Фома Данилов был рекрутирован в армию, а через четыре года службы произведен в унтер-офицеры 2-го Туркестанского стрелкового батальона, входившего в Туркестанскую стрелковую бригаду. Принимал активное участие в Хивинском походе 1873 года, отличился во время взятия крепости Махрам, которая была центром восстания кокандцев.

Однажды во время следования батальона из Ташкента в Наманган сломалась повозка с провиантом. Фоме Данилову вместе с солдатами пришлось перегружать имущество в другую арбу. Они отстали от основных сил, чем воспользовался сильный отряд враждебно настроенных кокандцев. После ожесточенного столкновения русские солдаты все же оказались в плену. Их отвезли в город Маргелан, который находился под властью Пулат-хана, одного из предводителей Кокандского восстания, придерживавшегося радикальных взглядов и объявившего джихад.

Правитель решил обратить этот случай в публичную, устрашающую акцию. Тем самым привлечь на свою сторону местных жителей, сомневающихся в необходимости выступления против русского царя.

21 ноября (по старому стилю) 1875 года жителей города собрали на центральной площади и на их глазах казнили пленных солдат. Фоме Данилову трижды предлагали отречься от Христа и принять другую веру. Взамен обещали богатство и высокие должности, но сломить дух русского офицера не удалось. Его публичная речь звучала гордо и непоколебимо: «В какой вере родился, в такой и умру!»

Писатель Ф.М. Достоевский, восхищенный подвигом русского воина, назвал его «эмблемой народной России».

Тему мученичества за веру поддержал и развил Д. Логофет. Он показал, что подобные факты были не единичными. Не страшась казни, отвергая всяческие блага, тяжелейшие испытания с достоинством проходили простые русские православные люди — главные герои произведений Дмитрия Николаевича Логофета.

26 июня 1909 года многолетняя служба полковника Логофета в Средней Азии подошла к концу. По приказу шефа ОКПС он назначается помощником командира в 21-ю пограничную Скулянскую бригаду. Так для полковника Логофета завершился напряженный и увлекательный период службы в Туркестанском крае, длившийся более 10 лет и существенно повлиявший на жизнь и творчество офицера-пограничника.

Средняя Азия стала для Дмитрия Николаевича неотделимой частью его жизни, службы и творчества. Пребывание в отдаленном регионе Российской империи оставило в сознании офицера неизгладимый след, вызвало сильные эмоциональные чувства, воплотившиеся в строки созданных им талантливых сочинений. Здесь пришло «признание в нем государственного деятеля с широким и верным взглядом на русские интересы на этой окраине». Логофет, как автор, вырос в крупного писателя и исследователя. Самобытность повествования его прозы, смелость в разработке «закрытых» ранее для русских писателей тем во многом определили его законодателем и первооткрывателем в литературе о Восточном крае в начале XX века.

В изданном в 1909 году наиболее известном своем труде «Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние» Логофет положил начало «разъяснения» в России бухарского вопроса. В последующей книге «Бухарское ханство под русским протекторатом» он первым открыл глаза на многие неясные и непонятные вопросы жизни в регионе для общества, что, как отмечали, «до настоящего времени было скрыто в архивах и не скоро бы появилось на свет Божий». Дружно поддерживая смелые и независимые суждения Логофета, газеты того периода писали: «Труд Д.Н. Логофета вышел в удачное время, когда русское общество заинтересовалось Бухарой. Достоинств в этом научном труде много, и они очень велики, равно как и велика заслуга автора перед обществом».

24 октября 1909 года полковник Логофет прибыл в Скулянскую пограничную бригаду. Вскоре по

волеизъявлению сослуживцев его избрали председательствующим членом суда общества офицеров. Кроме того, Логофета включали председательствующим членом в состав поверочной комиссии по заведованию офицерским заемным капиталом.

В бригаде полковник Логофет по своей должности увлеченно занимался многими вопросами. Но приоритетно — совершенствованием боевой выучки пограничников. Подчиненные часто видели его на стрельбище, где офицер не только учил подчиненных обращению с оружием, но и совершенствовал свои снайперские качества. В кавалерийской школе бригады полковник Логофет охотно делился опытом, полученным на границе.

Усердие и старательность офицера в службе не остались без внимания окружного начальства. Его повышают в должности и с февраля 1911 года назначают командиром 7-й Вержболовской пограничной бригады. Три года командования подразделением позволили полковнику Логофету основательно утвердиться в должности, успешно проявить свои командирские качества. Он регулярно бывал на границе в подразделениях первой линии, где проверял качество несения службы. Оперативно решал насущные вопросы жизнедеятельности пограничников. Деятельность командира Логофета была полезной и результативной, о чем свидетельствуют его награды.

С началом Первой мировой войны, как и большинство его сослуживцев, он отправится на фронт. О массовом героизме пограничников в войне Дмитрий Николаевич ярко напишет в своих сочинениях. Так, в своей первой корреспонденции с театра военных действий в журнале «Разведчик» писатель точно передаст читателям и впечатления от увиденного им, и тревогу от происходящего на границе: «Запылали костры по всей русской пограничной линии, постепенно разгораясь и превращаясь в бесконечную скрывающуюся где-то на краю горизонта цепь огней...»

На фронте Логофета назначают председателем Пинской эвакуационной комиссии, позже — головного эвакуационного пункта.

Первая годовщина деятельности Кибартско-Вержболовского св. Покровского братства.
Председатель братства — полковник Д.Н. Логофет.

Находясь на передовой, подчиненные полковника Логофета обеспечивали передовые части продовольствием, транспортом, эвакуировали раненых. Даже в критические моменты, оказываясь под обстрелом вражеской артиллерии и неся потери, люди не теряли присутствия духа. Кроме того, они заботились об охране и обороне гарнизонов, где полковник Логофет состоял начальником.

Об увиденном и пережитом на войне Дмитрий Николаевич подробно писал в очерках, которые регулярно публиковались в журнале «Разведчик» под рубрикой «С театра военных действий». По-прежнему героями его зарисовок оставались мужественные российские офицеры и солдаты, выносливые военные врачи и терпеливые сестры милосердия. Рассказывая об удивительной их жертвенности и стойкости, автор констатировал, что первый период войны, несмотря на естественные тяготы, был одним из самых приемлемых в тыловом отношении. Нужды войска пока не испытывали, так как в деревнях, где останавливались на постой, имелось вдоволь всего съестного и фуража.

Вскоре ситуация с обеспечением войск поменялась к худшему.

Логофет стал свидетелем огромного количества жертв. Писатель с грустью отмечал, что хоронили убитых с трогательной простотой. Молитва, прочитанная полковым священником над братской могилой павших, была единственным знаком внимания к солдатам и офицерам, положившим за Родину душу свою.

За выдающиеся заслуги по оказанию помощи больным и раненым воинам во время войны по личному усмотрению государыни императрицы Марии Федоровны Д. Логофет отмечен знаком отличия Красного Креста.

Следует сказать, что нахождение в тыловом подразделении боевому офицеру не приносило морального удовлетворения. Он подает рапорт о переводе в действующую армию. В то время активно формировались новые пограничные подразделения для отправки на передовую. Ходатайство офицера удовлетворили без излишних чиновничьих проволочек.

Исполняя обязанности командира полка, несмотря на огромную занятость, усталость и фронтовую неустроенность, Дмитрий Николаевич не прекращает литературной

деятельности. Он активно пишет в редакции журналов «Разведчик», «Братская помощь», газеты «Русский инвалид». В корреспонденциях «Вперед», «Наши герои», «В бою» и других правдиво рассказывает читателям о происходящем на российско-германском театре военных действий.

В 1916 году обстановка на фронтах Первой мировой войны складывалась не в пользу русских войск. Они несли большие потери, в отдельных случаях под сильным напором противника вынуждены были сдавать ранее завоеванные позиции. Полковник Д. Логофет находился в гуще происходящего на ответственных участках фронта.

В войсках возглавляемый им полк имел репутацию сплоченного воинского коллектива. Его бросали на самые сложные участки. Так было во время отхода 4-го Сибирского корпуса из Добруджи, а затем с позиций впереди города Браилова к реке Серет, когда подразделения полка прикрывали пехотные части, отходящие под натиском превосходящих сил противника. 6 декабря 1916 года за умелое руководство действиями личного состава полка в трудной

обстановке, а также за отличия в боях и труды, понесенные во время военных действий, четвертым дополнением к высочайшему приказу полковник Д. Логофет произведен в генерал-майоры с решением доверять ему командовать армейскими соединениями.

Годы, проведенные генерал-майором Логофетом во фронтовых условиях, последствия от полученных контузий не могли не сказаться на его здоровье и выполнении обязанностей в полном объеме. Приказом командующего 6-й армии от 3 декабря 1917 года Д.Н. Логофета по болезни отчисляют в резерв чинов Одесского военного округа. 8 декабря 1917 года генерал-майор Дмитрий Николаевич Логофет простился с личным составом и Боевым знаменем 6-го Таурогенского пограничного конного полка.

Спустя полгода, 15 июля 1918 года, отставного генерала-пограничника Дмитрия Николаевича Логофета по мобилизации призвали в РККА. 26 июля он назначается старшим инспектором Главного управления Погранич-

ной охраны. 3 сентября Логофет принимает новую должность — помощника начальника Главного управления Пограничной охраны. Дмитрий Николаевич с большим желанием выполнял работу по устройству границ. К нему прислушивались, его мнением дорожили. В ответственные периоды Логофету доверяли временно исполнять должность начальника Главного управления.

Вскоре Дмитрия Николаевича переводят на другой ответственный участок, связанный с подготовкой кадров для воинских формирований молодой республики. Так, 9 июля 1919 года Логофет назначается заведующим Первыми организационно-инструкторскими кавалерийскими курсами. После очередной реорганизации учебного заведения Логофет переназначается заведующим Московской кавалерийской школой, где он с большим желанием преподавал курсантам учебный курс географии.

В июле 1921 года Дмитрия Николаевича Логофета как авторитетного специалиста назначают

членом совета Главного управления коннозаводства и коневодства. Он охотно исполнял общественное поручение, как и занимаемую им должность начальника Московской кавалерийской школы, отдавая делу последние физические силы. Их, к сожалению, не хватило его ослабленному войнами организму, чтобы побороть страшный недуг — сыпной тиф. В 1922 году генерал-майор Дмитрий Николаевич Логофет скончался в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище.

Он оставил потомкам интересное, а главное, востребованное наследие профессионального военного исследователя-востоковеда, признанного писателя. А на переломе российской истории он сделал свой выбор в пользу служения Отечеству. Это был нравственный выбор человека и гражданина.

* * *

Автор выражает признательность полковнику запаса Александру Калиниченко за оказание помощи в подготовке публикации.

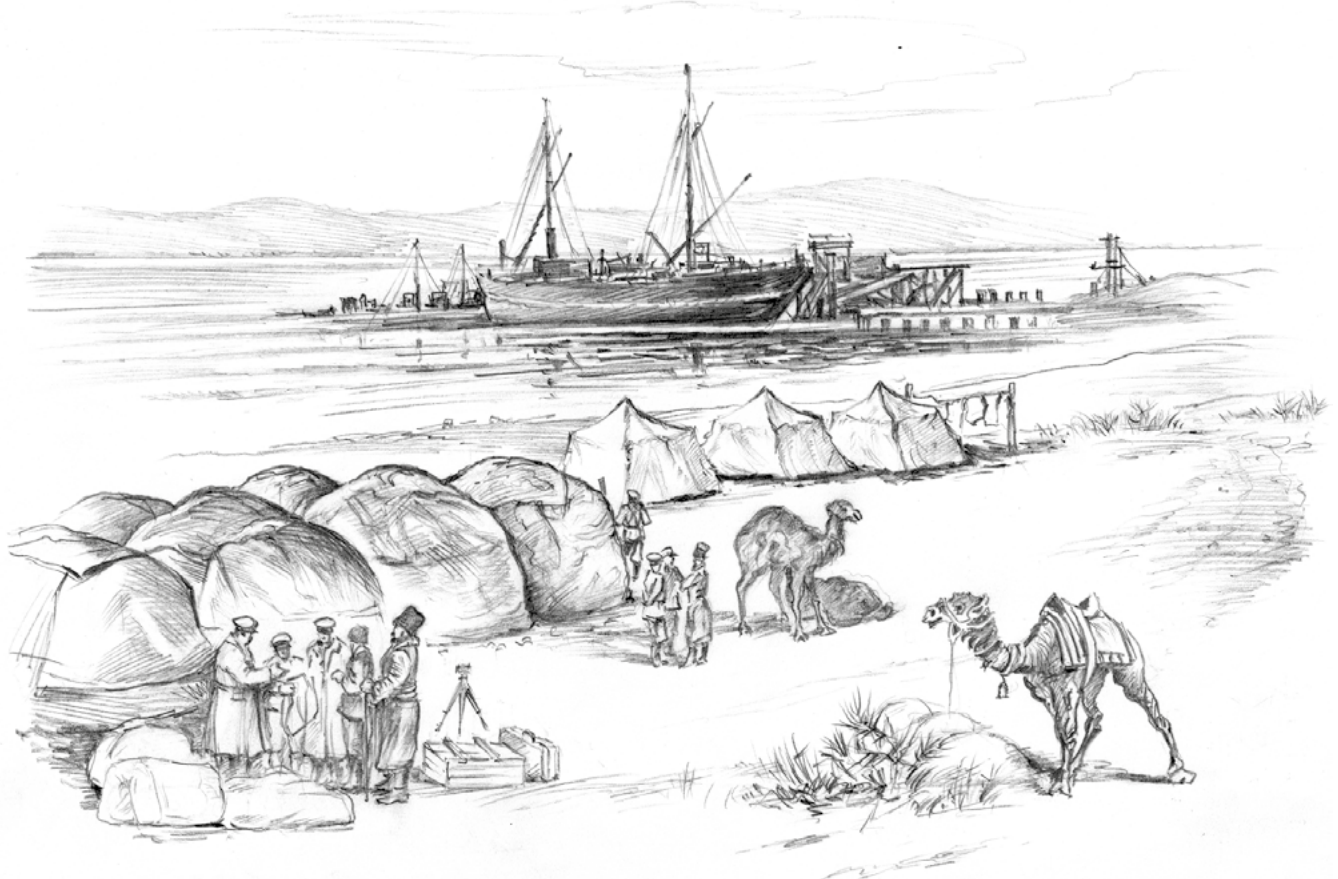

Рис. Анатолия СИДОРУКА

ВОСТОРЖЕННЫЙ РОМАНТИК

Текст: Владимир ВЕРШИНИН

Народный артист России Ренат Ибрагимов — неизменный участник праздничных концертов, посвященных Дню пограничника. Многолетняя творческая дружба связывает его с коллективом Центрального пограничного ансамбля ФСБ России. Их творчество не просто созвучно духу времени. Прежде всего оно обращено к мыслям и чувствам слушателя, когда проникновенный чарующий голос исполнителя вызывает в душе умудренных жизненным опытом людей теплые, ностальгические воспоминания о молодости.

Накануне своего юбилея Ренат Исламович любезно согласился побеседовать с нашим корреспондентом.

— Вы родились в семье офицера-фронтовика в условиях послевоенного времени. Как это отразилось на Вашем становлении в детские годы?

— В моей памяти сохранилось двойное восприятие того времени. С одной стороны, казанские дворы, детский садик — это одна атмосфера, а с другой — деревенские пейзажи и особый уклад сельской жизни в чисто татарской деревне, где я проводил летние каникулы в гостях у бабушки, которая не знала ни одного слова по-русски. В деревне царила исконно татарская среда, и именно там я научился татарскому языку. Дома родители говорили на русском и татарском, а когда жили во Львове, мама общалась с соседями по-польски. В начале 50-х семья переехала в Казань, город, ставший определяющим для моего последующего становления и развития как личности.

Отец обладал сильным от природы голосом и довольно хорошо пел. Кроме того, на слух играл на мандолине, домре, пианино и на скрипке. Музыкальной и артистичной была и моя мама. Пожалуй, в них это было заложено генетически, в силу наследственных качеств. Что касается пения, то оно для меня стало естественным состоянием с раннего, босоногого детства. Пел все, что слышал, даже не задумываясь относительно содержания и смысла.

— А какие песни пели тогда, и как Вы приобщились к музыке?

— Самыми ходовыми в то время были военные песни: «По долинам и по взгорьям», «Три танкиста», «Артиллеристы, Сталин дал приказ!», а также ряд других, популярных в послевоенное время. Помню, как я выстраивал детсадовских пацанов в шеренгу, командовал, и мы, маршируя, пели: «На границе тучи ходят хмуро, край суровый тишиной обьят. У высоких берегов Амура часовые Родины стоят!» Как правило, роль командира отряда принадлежала мне. То есть еще тогда в маленьком мальчишке проявлялся и формировался организаторский и творческий потенциал. Надо иметь в виду, что все детство моих сверстников было пронизано духом послевоенного времени, что, естественно, отразилось на воспитании патриотических чувств.

Думаю, не преувеличу, если скажу, что песня органично сопровождала меня начиная с детского садика. Именно по настоянию воспитателей, усмотревших во мне вокально-музыкальные способности, не без вмешательства отца наряду с общеобразовательной пошел одновременно и в музыкальную школу по классу народного инструмента — домры. Обучение на фортепиано и скрипке стоило дороже, как и приобретение самих инструментов. За меня родители платили три рубля в месяц. По тем временам совсем недорого. Обучение на скрипке стоило 7 рублей, а на фортепиано целых 10. Учился по стандартной программе и, надо заметить, без особого желания. Трудно было усидеть дома, когда мальчишки во дворе гоняли в футбол. Случалось, что пропускал занятия. Это только сейчас, сожалея, понимаешь, что из-за такого отношения упустил что-то стоящее, полезное для творческого развития.

Вместе с тем у меня были хорошие успехи по сольфеджио, поскольку, как выяснилось, я обладал абсолютным слухом. Особенно удавались музыкальные диктанты, которые я писал точнее и быстрее остальных. По этой причине преподаватель зачастую отпускала меня с урока, а в последующем стала привлекать к проведению занятий по сольфеджио со сверстниками. Давала классу задание и уходила по своим директорским делам,

поручая мне контролировать его выполнение и помогать остальным. Мне все давалось достаточно легко, что позволяло относиться к учебе несколько поверхностно, если не сказать, спустя рукава. Преподавателем по классу домры в музыкальной школе у меня была Валентина Васильевна Сапунова, совсем еще молодая женщина. Относилась ко мне она очень тепло, хотя я и был страшным лентяем, часто пропускал занятия, приходил неподготовленным. Намучилась она со мной.

Настоящим событием стало появление в нашем доме рояля, поскольку мне надо было заниматься по предмету «общее фортепиано». Нам его по дешевке продали родственники, когда решили поме-

нять инструмент на более новый. Дело в том, что брат моей матери Нурулла привез рояль и скрипку в качестве трофеев с войны, а его дети, мои двоюродные брат и сестра, также учились музыке. На рояле учился брат. Он в последующем окончил консерваторию и стал композитором. Игру на скрипке успешно осваивала сестра. Преподаватели музучилища, где она училась, случайно обнаружили, что инструмент изготовлен самим Страдивари, что послужило поводом уговорить семью ее продать, как затем выяснилось, по цене значительно ниже реальной стоимости скрипки.

Забегая вперед скажу, что наличие в доме какой-либо знаковой вещи, а для нас таковым стал рояль,

при благоприятных обстоятельствах неизбежно сказывается на дальнейшей судьбе его обладателя. Нечто подобное, полагаю, случилось и со мной. Помимо основных занятий я играл в школьном оркестре народных инструментов, приобщаясь таким образом и к коллективному творчеству. Когда спустя пять лет заканчивал музыкальную школу, директриса склоняла родителей к тому, чтобы меня отправить учиться на военно-дирижерское отделение в Ленинградское суворовское музыкальное училище. Но папа с мамой не согласились по тривиальной причине — в семье не было достаточно денег.

После окончания музыкальной меня отдали в художественную школу, так как я неплохо рисовал акварелью и гуашью. За учебу также приходилось платить, но гораздо меньшие деньги. Таким образом, родители как могли старались развивать замеченные во мне ростки таланта в искусстве.

— А как же роман с музыкой? Нередко она перестает интересовать молодых людей сразу после окончания учебы в музыкальной школе.

— В моем случае, к счастью, все было совершенно по-другому. Пение для меня оставалось органичным, естественным состоянием. В обще-

образовательной школе на меня заметно влияла учительница литературы — интеллигентная женщина старой закваски. Она очень любила искусство пения, сочетая эту любовь с неординарным подходом к методике преподавания. Зная о том, что я многие оперные партии уже тогда знал наизусть, она просила на уроке спеть арию князя Игоря или другого персонажа. Дело в том, что я часто приходил на спектакли в оперный театр, в оркестре которого на альте играла моя двоюродная сестра Луиза и, сидя в оркестровой яме, благодаря хорошей памяти быстро запоминал мелодию и текст. Так за счет пения я «выезжал» на уроках по литературе и очень благодарен моей творческой наставнице.

Как раз на мои школьные годы пришлось пора повального увлечения молодежи творчеством групп «Битлз» и «Роллинг Стоунз». У нас в школе был свой эстрадный ансамбль, и я там пел на вечерах. Правда, мой репертуар состоял в основном из отечественных песен, таких как «Черный кот», «Королева красоты», «Последняя электричка». Вроде бы непритязательных, но весьма популярных. В то время в Казани пользовался популярностью музыкальный коллектив «СТЭМ» (студенческий театр эстрадных миниатюр — прообраз нынешнего КВН) под руководст-

вом Семена Каминского. Еще в 10-м классе меня пригласили туда солистом и в сопровождении именитых музыкантов, большинство из которых в свое время играли в оркестре Олега Лундстрема, я пел песни Арно Бабаджаняна, стараясь подражать Муслиму Магомаеву. Так что с музыкой не расставался и, более того, в 1966 году после окончания одиннадцатого классов поступил в Казанскую консерваторию на созданное двухгодичное подготовительное отделение для подающих надежды музыкантов. Затем с 1968-го по 1973 год полноправно учился на основном курсе консерватории на отделении классического вокала.

— Для абсолютного большинства наших читателей уже само слово «консерватория» звучит возвышенно. А что осталось от того периода в Вашей памяти?

— В консерватории пению учился у дочери ректора Светланы Жигановой, которая в свою очередь закончила курс у знаменитого в то время преподавателя по вокалу Валентины Андреевны Ласько. У нее была очень сильная вокальная школа, и практически все ее ученики в последующем стали профессиональными певцами. Сейчас ей уже за 90 лет. Дай Бог ей здоровья. Не скрою, что учеба была очень напряженной, хотя фактически я уже пел правильно благодаря природной постановке голоса. В моем репертуаре была и классическая, и эстрадная музыка. Мог петь в любом жанре, хотя в душе мечтал о карьере оперного, камерного исполнителя.

— А как же насчет службы в армии?

— На время учебы на меня распространялась отсрочка от призыва. К тому времени я закончил консерваторию, стал солистом Казанского оперного театра, уже был женат, имел ребенка и мне оставался всего месяц до выхода срока призыва по возрасту. Но в октябре пришла повестка. Чтобы «откосить», поскольку это серьезно ломало творческие планы, умышленно лег в больницу под чужой фамилией. До этого я уже дважды становился лауреатом эстрадных песенных конкурсов в Москве и Минске. Впереди маячили гастроли и ждала серьезная работа... Но «отлежаться на дне» не

удалось. Командующий Приволжским военным округом с целью усиления ансамбля песни и пляски дал приказ разыскать меня и немедленно призвать. Военный комиссар поднял весь город и с привлечением милиции стал меня искать.

Как часто бывает в таких ситуациях, в развитие событий вмешалась женщина. Говорил жене: не приходи, а она не послушалась и привела за собой в больницу «хвост». Так меня вычислили и в сопровождении целого капитана в купейном вагоне отправили в Куйбышев в расположение окружного ансамбля. Так что в армию меня буквально увезли под конвоем.

И все же о периоде срочной службы я несколько не жалею, тем более что она проходила в творческом коллективе ансамбля и в постоянных разъездах. Отношение ко мне со стороны командования и личного состава было очень хорошее. В составе ансамбля песни и пляски проехал по всем гарнизонам округа. Но приходилось и дневальным на тумбочке стоять, и драить щеткой с мылом полы. То есть все «прелести» солдатского быта и службы вкусил сполна. Демобилизовался на две недели раньше, так как пришла бумага из Москвы из ЦК ВЛКСМ об отправке меня на песенный фестиваль-конкурс «Алая гвоздика» в Сочи.

— Видимо, с этого момента началась Ваша карьера эстрадного певца?

— На фестиваль приехал с короткой солдатской прической, которая плохо гармонировала с концертным фраком. На конкурсе исполнил песню «Мелодия» Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова и неожиданно для себя стал обладателем Гран-при. По возвращении в Казань продолжил петь в оперном театре, совмещая спектакли с гастрольным графиком. Постепенно сформировался мой концертный репертуар, стал записывать альбомы, гастролировать с сольными концертами как эстрадный исполнитель.

В 1976 году мне предложили стажировку в Италии, что по тем временам для вокалистов считалось невероятным благом и творческой удачей. Предложение было заманчивым, но я, посчитав, что наша вокальная школа не хуже иностранной, предпочел остаться в родных краях, чем немало удивил тогдашнего первого секретаря Татарского обкома партии Ф. Табеева, который, надо заметить, сыграл в моей судьбе немаловажную роль: внимательно следил за моим творчеством и всегда был готов поддержать. Он был убежден, что певцы с такими вокальными данными, как у меня, — большая ред-

кость. В начале восьмидесятых мне довелось встретиться с ним в Кабуле во время поездки с группой артистов Москонцерта в воюющий Афганистан, куда он был назначен послом Советского Союза.

— Известно, что во времена пика Вашей популярности многие семьи называли своих детей Ренатом в Вашу честь. А затем наступил период забвения...

— Действительно, однажды я даже хотел оставить карьеру певца, хотя в то перестроечное время очень много и активно работал в качестве солиста центрального радио и телевидения, совмещая сольную карьеру с игрой в московском театре. Тогда я часто гастролировал с оркестром Юрия Силантьева. Объездил с ним огромное количество городов не только в СССР, но и за рубежом. Мы с ним подружились, он по-отечески ко мне относился. Юрий Васильевич был весьма образованным и мудрым человеком, имел большую библиотеку. Книги он буквально проглатывал, читая их запоем. Будучи человеком колоссальной эрудиции, он философски разбирался во многих жизненных вопросах и мог дать дельный совет.

Как-то были в поездке по Центральному региону, и я высказался относительно того, что больше не

желаю петь для аудитории нуворишей, чьи отношения построены на деньгах. На это он ответил, что Господь дал мне голос, и я не имею права бросать петь, ибо это будет огромным грехом.

— Можно предположить, что на волне перемен в обществе Вы постепенно совершенствовались в духовном плане, и со временем новое восприятие действительности стало диктовать другое отношение к жизни.

— Действительно, раньше, когда вел бурную концертную деятельность и даже создал театр песни, мой творческий коллектив базировался в киноконцертном зале гостиницы «Космос». В его составе были штатные вокалисты, музыканты оркестра, балетная группа. Сейчас же осталось самое необходимое для работы: студия, звукорежиссер, аранжировщик, бэк-вокалисты. Разные были периоды. По приглашению Виктора Черномырдина и Рэма Вяхирева одно время даже был начальником управления культуры в Газпроме.

А трудностей я никогда не боялся. У меня есть такая черта характера — чем труднее, тем интереснее. В пиковых, в чем-то даже экстремальных ситуациях еще больше мобилируюсь, активизируюсь и за счет

этого двигаюсь вперед. И так было всегда. Многие известные артисты в то время сломались. Я же лишен тщеславия, довольно спокойно отношусь к наградам и званиям. Такими качествами наделил меня Всевышний, и с ними я иду по жизни.

— Расскажите о своих житейских и творческих планах.

— Если бы мне дали такую возможность и помогли хотя бы с помещением, я бы открыл школу искусств для дополнительного образования детей. Считаю, что каждый ребенок наряду с различными искусствами в качестве базиса должен получать и духовное образование. Плюс к этому добавить изучение языков, причем по новым современным методикам, поскольку мозг ребенка способен впитывать в себя множество информации. В настоящее время разработаны особые технологии изучения математики, обучения чтению, позволяющие ребенку к пятому классу освоить всю нынешнюю школьную программу. Плюс занятия музыкой, рисованием, танцами. Это была бы особая гвардия продвинутых людей, которые бы сделали много полезного для нашей страны. Я бы с удовольствием занимался этим проектом. Но и мой роман с музыкой продолжается, хотя выступаю уже не так часто, как раньше.

Недавно творческая судьба забросила меня в Сирию, где выступил перед российскими военнослужащими.

— Не каждый знает, что Вы рисуете картины, пишете стихи, музыку, снялись в главной роли в фильме «Итальянские каникулы», а недавно выпустили книгу. Многогранность для Вас естественна?

— Если человек не обделен талантом, то он, как правило, применителен ко многому. У нас в родительском доме была швейная машинка. Будучи школьником, я сам шил себе штаны и рубашки. И не только себе. Обшивал одноклассников за три рубля за пару. Одно время писал картины, в основном пейзажи и натюрморты. По исламу нельзя рисовать ни людей, ни животных. Как оказалось, я это почувствовал интуитивно, и меня к этому не тянуло, не хотелось. А вот природу живописал. В Казани в оперном театре была моя персональная выставка. К сожалению, в результате пожара на даче почти все картины сгорели.

Что касается написания книги, то я это сделал по просьбе близких друзей. Получился рассказ о непростом жизненном и творческом пути человека советской эпохи. В то время в обществе была другая психология. Молодежь, к сожалению, мало знает о ней. Хотелось, чтобы содержание книги привнесло людям, прежде всего молодым, новую, полезную в житейском смысле информацию. В комплекте с книгой идет и аудиозапись ее содержания с соответствующими по смыслу каждой главы песнями в моем исполнении.

— Вы часто с удовольствием выступаете перед людьми, носящими погоны. Что бы Вы пожелали ветеранам-пограничникам?

— Я импонирую пограничникам, поскольку это люди особого склада, воспитаны в государственном духе, чему, безусловно, способствует хороший отбор на службу. Они, как и разведчики, не уходят в отставку. Поэтому ветеранам советую продолжать участвовать в делах общества, быть постоянно активными. Чтобы они занимали соответствующую жизненную позицию, продолжали приносить пользу, были востребованы. Убежден, что это продлевает молодость. ■

«МЫ ЗА МИР!»

Ангелина Корначева, 10 лет
(Республика Беларусь)

Алина Саргасян, 13 лет
(Российская Федерация)

Виктория Найден, 13 лет
(Республика Беларусь)

